

Вячеслав КЕВОРКОВ

СЮРТУК

Вячеслав Кеворков

Сюртук

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Кеворков В.

Сюртук / В. Кеворков — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-324-2

Вячеслав Кеворков обладает невероятным мастерством, умением превращать исторический, документально-выверенный материал в литературу. В его книге мы видим все настоящее, хотя, конечно, и доля вымысла в них есть. Писатель не просто списывает сюжет с действительности или подражает кому-то, он свободно и непосредственно творит, его фантазия проникает в глубины человеческого сознания и повседневного мира. Хотите уточнить, что было на самом деле, а что есть домыслы автора? Остались документы, кинохроника, воспоминания. Можно сопоставить. Но разве в этом дело? Так ли важно, насколько детально отражены в книге те или иные события? Важна искренность человеческих чувств. И вера в торжество справедливости. Вячеславу Кеворкову присуща драгоценная способность сохранять строгую, мудрую невозмутимость. Он превращает документальную хронику в миф об иллюзорности сиюминутной победы. И мы понимаем, что главное – время, которое рано или поздно всех рассудит. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-324-2

© Кеворков В., 2017

© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Непосредственное, свободное и самобытное творчество	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вячеслав Ервандович Кеворков
Сюртук

© Кеворков В. Е., 2017

© Царева Е. А. (оформление), 2017

© Замотина М. А. (предисловие), 2017

Непосредственное, свободное и самобытное творчество

«Возникновение и существование литературы связано с человеческим желанием найти подход к тому, что недоступно. Литература создает иную реальность. Восприятие и осмысление этой реальности преобразует культурный контекст. Происходит это в том случае, когда художник не просто списывает с действительности или подражает кому-то, но когда свободно и непосредственно творит, когда его фантазия проникает в глубины человеческого сознания и повседневного мира. Именно так воображаемое получает форму» (С. Замлелова). Вот так пишет один из лучших (и уважаемых в профессиональном мире) современных литературоведов о литературе вообще. Я решила начать с теории, чтобы не быть голословной. Какой же должна быть литература? Как разобраться: хорошее перед нами произведение или?

Еще немного теории. «Прежде всего, без художественного языка, без индивидуального почерка нет писателя и нет, соответственно, художественной литературы. И конечно, литература не может быть косноязычной. Но кроме владения языком, писатель должен уметь создавать живые миры. В живых мирах нет места шаблону или ходульности, зато все здесь происходит, подчиняясь внутренней логике. Все персонажи, как в жизни, имеют свое лицо, свой характер, свои достоинства и недостатки, разговаривают каждый по-своему. Художественная литература пользуется языком образов, пряча многое в детали, цвета, в символы» (С. Замлелова).

Вроде бы все ясно. Но ведь книгу еще нужно суметь прочитать. И попытаться понять то, что говорит автор. Увидеть то цельное, что служит общему замыслу писателя, а не только красоту пейзажа или какие-то детали обстановки в доме героя произведения.

Вот теперь настало время «переходить на личности». А именно – поговорим о новом романе Вячеслава Кеворкова «Сюртук».

Из биографии: Вячеслав Кеворков – российский писатель, публицист, генерал-майор. Родился в 1923 г. в Москве. Окончил военный институт иностранных языков, в начале 50-х годов Военно-дипломатическую Академию Генерального штаба. Пишет в разных жанрах. Вышли в свет книги: «Тайный канал», «Кремлевская оперетка», «Исповедь перед казнью», «Генерал Бояров», «Виктор Луи – человек с легендой» «Избранные рассказы» и др. Уважаемый человек, личность историческая, автор, не единожды издававший свои произведения. И вот сегодня Вячеслав Кеворков выпустил новую книгу художественной прозы. Книга новая! Это ключевое слово! Хочется произносить комплименты, биться головой об пол в подобострастных читательских поклонах. Можно, конечно, но это ничего не даст. Сколько ни говори «прекрасно, гениально», пока у читателя не сложится собственного мнения о произведении, никакие комплименты и профессиональные оценки никого не убедят.

А потому – предлагаю ЧИТАТЬ прозу Вячеслава Кеворкова. С одним лишь уточнением, что при этом совсем не помешает иногда вспоминать слова литературоведа, приведенные выше. И тогда сразу станет понятно, стремится автор к оригинальности или наоборот, к традиционности? Или? Может его «Сюртук» – история надуманная? Или?

Для меня с первых страниц стало многое понятно. Ведь литература – это реализация интуиций, она интересна автором, а не стилем как таковым. Индивидуальность автора создает и стиль, и содержание, и новизну, и оригинальность.

Насколько интересен Вячеслав Кеворков как автор, невозможно определить в кратком предисловии. Любая система взглядов порождается человеком и вбирает в себя своеобразие человека как личности. Но не только. А именно как личности в конкретной исторической

эпохе. Такая взаимозависимость характерна для культуры вообще – в каждом своем творении человек запечатлевает себя, свое мировоззрение, свою систему ценностей, свои способы ориентации в мире – в се то, что усвоено и вынесено им из повседневной жизни.

Забегая вперед, скажу, что именно «Сюртук» очень ярко иллюстрирует это утверждение. Вячеслав Кеворков обладает невероятным мастерством, фантастическим умением превращать исторический, документально-выверенный материал в литературу.

В его произведениях мы видим все настоящее, хотя, конечно, и доля вымысла в них есть. Писатель не просто списывает с действительности или подражает кому-то, он свободно и непосредственно творит, его фантазия проникает в глубины человеческого сознания и повседневного мира.

Хотите уточнить, что было в действительности, а что есть домыслы автора? Остались документы, кинохроника, воспоминания. Ваше право, сопоставляйте. Но разве в этом дело? Так ли важно, насколько детально выписаны те или иные события? Важна искренность человеческих чувств. И вера в торжество справедливости.

Вячеславу Кеворкову присуща драгоценная способность сохранять строгую, мудрую невозмутимость. Он превращает документальную хронику в миф об иллюзорности сиюминутной победы. И мы понимаем, что главное – время, которое рано или поздно всех рассудит.

Марина ЗАМОТИНА, литератор, журналист, Заслуженный работник культуры РФ

Я покидал цветущий город Ростов, в котором уже бывал однажды, на сей раз в пресквернейшем настроении, когда ничего не клеится, все валится из рук и тебя одолевает лишь одно желание – брызгать людям в спину по поводу существующего или отсутствующего безобразия, царящего вокруг. Правда, сейчас причин для недовольства было предостаточно, и в первую очередь раздражала отвратительная погода – дождь и снег, приправленные туманом.

Аэропорт свою деятельность приостановил. Наделенный опытом передвижения по России, я тут же обратился к другому виду транспорта, менее совершенному, но более надежному, – к оправдавшей себя в течение многих десятилетий железной дороге. Прибыв на вокзал, однако, я был вынужден усомниться в своей исключительности. Количество людей, догадавшихся

переместиться из аэропорта на вокзал, оказалось значительно больше, нежели мест в вагонах поездов, отправлявшихся в Москву.

Отсутствие билета я воспринял как личное оскорбление, взвалив всю вину за мои неудачи на редакцию местной газеты. Именно она пригласила меня, соблазнив крупным, почти международным коррупционным скандалом, который при самом поверхностном рассмотрении вылился в мелкую местную склоку. Я много раз давал себе слово не писать о коррупции, поскольку в наше время печатное слово совершенно бессильно против нее. Правда, редакторы газет, особенно местных, упорно культивируют публикации материалов на эту сомнительную тему, руководствуясь, безусловно, благими намерениями, хотя втайне действуют из банальных побуждений как можно лучше продать свою газету. Известно, что тираж с разоблачением коррупционеров быстрее других раскупается самими же коррумпированными чиновниками и всеми остальными участниками этого неблагородного промысла. Едва усевшись утром за свой служебный стол, чиновник хватается газету, в которой секретарша крестиком уже отметила сакраментальный материал, залпом прочитывает его и, не найдя своей фамилии среди разоблаченных, облегчено вздыхает, а затем с утроенным усердием принимается за выжимание соков из всего, что только может сочтаться, включая землю, по которой ходит.

Видимо, мое раздражение породило в редакции местной газеты чувство вины. Чтобы освободиться от него, она тем же путем, против которого активно выступает, раздобыла мне один билет в купе. Возможность провести ночь с тремя незнакомыми людьми в замкнутом пространстве не вселяла в меня оптимизма. Однако тупое сидение в аэропорту или в гостинице в ожидании погоды показалось мне занятием еще более бессмысленным.

Но с приобретением счастливого билета очертания моей предстоящей поездки проявились еще не полностью. Когда я вошел в купе, все участники предстоящего путешествия сидели на местах, и я с первого же взгляда понял, что запас неудобств, заготовленный для меня на этот период, исчерпался не полностью. Ко всем неприятностям добавлялась еще одна. В поездке кроме двух мужчин и одной дамы меня должен был сопровождать ребенок. Когда я вошел, широколицый веснушчатый курносый парень лет пяти-шести нахально поздоровался со мной первым:

– Здравствуйте.

Я ответил тем же, но менее уверенно. Слева на нижней полке двое мужчин одинакового роста сидели смирно, положив натруженные руки на колени. Лица простые, облупившиеся носы – признак длительного нахождения под жгучим солнцем. Каждому около семидесяти. Женщина – много моложе, тоже русское лицо, нос аккуратный с седловинкой, прическа старомодная – коса, скрученная в пучок, глаза спокойные, рука, обнимавшая мальчика, добрая.

Мой организм острее всего реагирует на запахи. В тот момент, когда я открыл дверь, из купе на меня пахнуло тяжелой смесью из мужской усталости и недорогих женских духов.

Всем своим внешним видом женщина произвела на меня впечатление русской красавицы. Красота – понятие оценочное. Я, например, не воспринимаю шарм кинозвезд с застывшей улыбкой, демонстрирующей не женское обаяние, а лишь рекламирующий искусство дантиста и высокое качество косметики. Иногда они представляются мне в виде постоянно,

недобро скалящихся черепов, удивительно похожих друг на друга. Русская красота покоится не на внешней эффектности и поэтому не сразу бросается в глаза. Она появляется из глубины, постепенно проникает в душу и задерживается там надолго.

Чем внимательнее всматривался я в попутчицу, тем больше очаровывался ею. Больше всего в женщинах меня привлекают глаза. И тут, заглянув в них, окунулся в манящую серо-голубую бездну. Пока я придавался размышлениям о женской красоте, поезд как-то нервно дернулся, затем плавно покотился вперед.

– Это ваше место, – женщина хотела встать, но я предупредил ее великодушным жестом и забросил свои пожитки на полку, нависавшую над ней, давая понять, что ради дамы готов пожертвовать привилегированным местом внизу.

Видимо, во мне было больше настороженности, чем уверенности, поэтому женщина поспешила меня успокоить:

– Вы насчет мальчика не волнуйтесь, от него никаких неудобств не будет. Он – тихоня, или спит, или читает.

– Между прочим, бабушка, у мальчика есть имя – Федор. И ты учила меня в присутствии кого-то не говорить «он».

Женщина явно смутилась то ли тем, что ее преждевременно разоблачили как бабушку, то ли не по годам взрослому заявлению мальчишки.

Чтобы как-то разрядить обстановку, я снял верхнюю одежду и, как гимнаст, упражняющийся на параллельных брусьях, взлетел на верхнюю полку и посмотрел сверху на сидящую внизу женщину. Одна среди трех мужчин в замкнутом пространстве она не чувствовала себя сколько-нибудь стесненной.

Поезд тем временем преодолев инерцию покоя, без видимого напряжения катился по рельсам, весело постукивая на стыках. Жизнь в купе также постепенно налаживалась. Федор открыл книгу и, водя пальцем по строчкам, стал складывать вслух из отдельных слогов сначала слова, а затем целые предложения.

– Ты вот, бабушка, учительница, скажи, я когда-нибудь буду читать так быстро, как ты? Пока я до конца строки дойду, начало забываю.

– Ты, Федор, упорный, поэтому очень скоро научишься быстро читать.

Похвала подействовала на Федора усыпляюще. Он отложил книгу.

– Бабушка, расскажи мне еще про вороного коня, как он девочку из бандитского плена вырвал. А я пока прилягу, устал что-то.

Устаревшие обороты речи совсем юного существа все больше пробуждали симпатию к нему. Федор же решил не баловать меня больше своими мудрыми изречениями. Теперь он лежал на спине, широко раскрыв глаза и упершись взглядом в верхнюю полку.

Женщина говорила тихо, то ли по привычке, то ли не желая раздражать меня. В течение всего этого времени двое мужчин, сидевшие напротив, словно восковые фигуры сохраняли принятые ими первоначально позы и не подавали голоса.

Рассказ по форме напоминал сказку, где добро и зло, черное и белое прописаны четко и без полутонов. Именно за это сказку любят и дети, и взрослые, в том числе и я. Сюжет, как водится, был незамысловат. Бандиты выкрали девочку, увезли ее на машине за много километров от дома. Там они заперли ее в амбар без окон, выставили охрану и написали письмо отцу,

в котором требовали, чтобы он заплатил выкуп. В противном случае они ее должны были убить.

Всадник на вороном коне спасет девочку? Все дети независимо от возраста ждут счастливой развязки.

Федор не был исключением. Он знал эту историю наизусть. И тем не менее перед тем, как заснуть, хотел обязательно услышать подтверждение счастливого конца из уст самого авторитетного для него лица, которого я в какой-то момент даже заподозрил в авторстве только что услышанного произведения.

Далее события не были наполнены какими-то неожиданными поворотами. Дождавшись ночи, вороной конь и всадник разогнали охрану, конь копытом легко высадил дверь, всадник подхватил девочку, и они втроем умчались прочь.

– А бандиты – это «новые русские»? – поинтересовался Федор. – Они на «Мерседесе», небось, догонять вороного коня будут.

Вопрос застал рассказчицу врасплох, но она быстро ответила:

– Они не новые. Это плохие русские. Такие тоже всегда были.

Один из сидевших безмолвно мужчин позволил себе на этом месте недобро крякнуть и покачать головой.

– А у вороного коня какая скорость? – продолжал уточнять Федор.

– Пятьсот – семьсот километров, – без запинки ответила рассказчица.

– Ну, тогда все в порядке, из «Мерседеса» больше трехсот не выжмешь, – авторитетно заявил Федор. – А как вороного коня звали?

– Так и звали. Конь вороной.

– Да, нет же, его звали «Сюртук», – заметил один из мужчин. – А всадника Федором величали.

– Сложно у вас как-то все получается, сразу не запомнишь, – из последних сил высказал претензию Федор и, прижавшись к стенке, заснул.

Это было сигналом для того, чтобы попутчики пришли в движение. На столике появилось много разнообразной снеди и не в последнюю очередь верная спутница легких и не очень путешествий – бутылка водки. Откровенно говоря, я не сторонник спонтанных застолий и хотел прикинуться спящим. Но не успел. Голова женщины на уровне моего лежища появилась внезапно.

– Спускайтесь к нам, поужинаем вместе, – пригласила она, добро улыбаясь.

Я спустился и не пожалел. Моя слабость – соленые грибы были представлены на столе в лучшем виде. Загорелые шляпки были совершеннейшими близнецами, словно выточенные на токарном станке под один размер. Хозяйка видимо заметила, что при виде грибов я плохо совладал с собой.

– Ешьте, ешьте, это самые вкусные грибы в мире. Таких больше нигде нет. Крепкие, червь их не берет, и по вкусу особые.

Все сказанное оказалось чистой правдой. Водка, правда, была теплая, но, преследуемая солеными грибами, оставляла во рту достаточно приятный ядреный вкус.

Однако если я с самого начала позволил себе увлечься грибами, то мои коллеги по застолью придерживались иного правила. Первичным они явно считали напиток и боялись испортить его благотворное воздействие на настроение чем-либо посторонним, а поэтому закусывали крайне осторожно.

Женщина в выпивке не участвовала, но внимательно следила за тем, чтобы съестное на столе не заканчивалось.

Через некоторое время один из мужчин встал и мгновенно оказался на верхней полке.

Оставшись неожиданно в одиночестве, второй мужчина закручинился и, допив водку, залег, не раздеваясь, на свое спальное место, повернувшись ко мне, сидевшему на его полке, спиной.

Моя попутчица поинтересовалась, не хочу ли я чего-либо еще. Я поблагодарил за чудесный ужин, после чего все, что находилось на столе, так же быстро исчезло, как и появилось. Я сидел некоторое время напротив нее в растерянности, не зная, как должны вести себя в таких случаях попутчики. Видимо, следовало выйти в коридор, чтобы дать женщине возможность переодеться и лечь под одеяло. Однако мне показалось, что она не собирается спать.

– Вы можете говорить спокойно, – о брательнице она ко мне, – Федор ни на какие шумы не реагирует.

Это заявление я воспринял как предложение продолжить беседу.

За окном стало совсем темно. Я взглянул на свою спутницу и, убедившись еще раз, что она не расположена ко сну, спросил:

– Извините, пожалуйста, я вот тут слушал сказку, которую вы мальчику рассказывали. Я не то чтобы коллекционер, но поклонник этого жанра. Меня всегда интересовало, откуда берут начало эти идеальные сказочные формы, как у вас, – вороной конь и всадник. Если верить замечанию, которое сделал ваш сосед по ходу рассказа, то у героев этой сказки есть прототипы? Он сказал, например, что вороного коня «Сюртуком» звали.

Она на секунду задумалась.

– Вы, как я понимаю, журналист.

– Справедливо.

– А меня называют сельской учительницей «городского типа». Потому, что наш поселок еще до войны очень разросся. На двух берегах реки стоит. Что касается истории про коня и всадника, то это, как говорится, сказка-быль.

– Значит, и вороной конь, и всадник существовали на самом деле?

Она внимательно посмотрела на меня, словно оценивая, достоин ли я ее откровений.

– Да. И конь такой был, и всадник существовал. Только в сказке все должно быть оптимистично, ведь она для детей, а они должны расти с надеждой. Быль же оказалась весьма печальной, сегодня она выглядит еще печальнее, чем в прошлом.

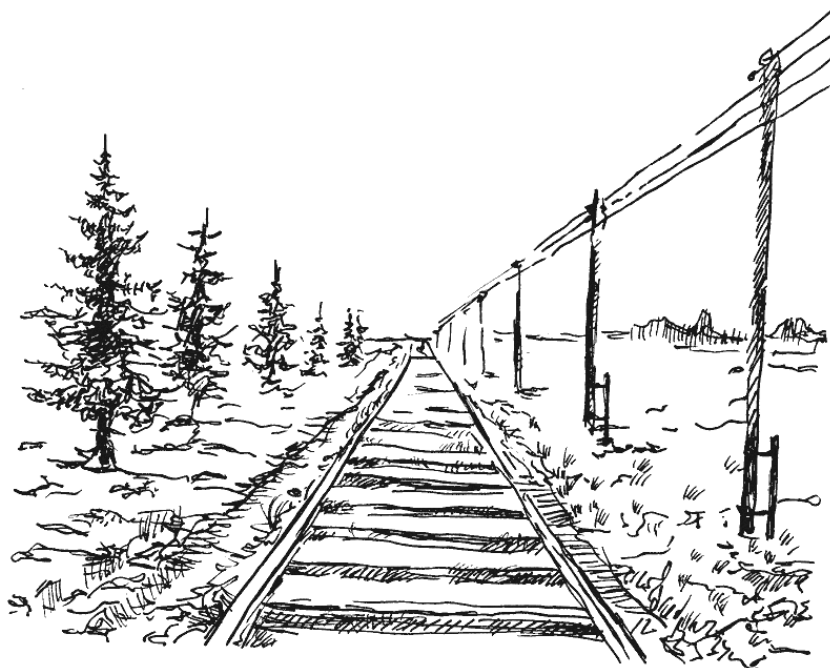
Ощущение, что я приблизился к чьей-то необычной судьбе, отодвинуло усталость и раздражение, накопившееся за день, куда-то в сторону.

– Вам, наверное, спать пора, – попробовал я создать образ ненавязчивого попутчика и одновременно скрыть растущее во мне любопытство.

Она легко распознала фальшь в моей псевдоучтивости и лишь улыбнулась.

– Когда меня посещают воспоминания, я не сплю очень долго. А потом они куда-то уходят, и все встает на свое место. Вот сейчас вы своим вопросом вернули меня в прошлое, и теперь уже мне не до сна. Так что, если хотите, расскажу. Только еще раз вас предупреждаю, история грустная.

Я уселся поудобнее, демонстрируя свою готовность слушать.

Поселок был расположен в местах красивейших, на берегу полноводной реки. Летом река спокойная, в половодье – бурная. Вдоль реки дома стояли добротные.

Вокруг – леса, можно сказать, непроходимые, где живности всякой в достатке водилось. В реке – рыбы на всех хватало. Лови сколько угодно! Луга в излучине реки скотину кормами обеспечивали на всю зиму. На одном берегу, как и положено, в самой высокой точке церковь стояла старинная, но не хилая, а крепкая, с высоченной колокольней, золоченым крестом, с могучим колоколом. Еще в позапрошлые века построена была. И над рекой, и над поселком возвышалась. Так что с ее высоты и греховные, и благие дела каждого видны были. Она все пережила.

Люди в селе, что на низком берегу располагалось, жили всегда зажиточно. И до советской власти, и когда колхозы образовались. С колхозами поначалу стало чуть похуже, но в целом никто тут нужды не испытывал. Земля в обиду не давала.

К тому же председателем колхоза выбрали местного учителя, который хорошо знал и особенности тех мест, и людей, там живущих. По характеру мужчина был умный и крепкий. С вождями, в том числе и партийными, старался не ссориться, но никому чужому у себя хозяй-

ничать не позволял. Ему пытались вредить, устраивали всякие политические провокации или разные проверки, да ни за что так зацепить и не смогли. Перед государством он отчитывался исправно, поэтому в конце концов его оставили в покое. А больше ему ничего не нужно было.

В сельской местности всегда о благополучии хозяина судили по дому, в котором он живет. Самый основательный и самый красивый дом в этом селе был построен еще в конце прошлого века. Принадлежал он семье ветеринара. В свое время Федор, глава семейства, учился ветеринарному делу в столице, но жить в городе не стал, а приехал на село. Скоро женился на местной красавице, и они ладно зажили. Да тут Первая мировая война началась. Ветеринара сразу на фронт забрали, где его осколком ранило. Свои вынести не успели, к немцам в плен попал. Те узнали, что он ветеринар и тут же в Германию отправили. Там он долго работал, и к своим российским ветеринарным знаниям еще и немецкие добавил. Язык немецкий выучил. Но у него раненая рука стала слабеть, и так случилось, что немцы его домой отпустили.

А дома – послевоенная разруха, проблем много было. Федор был человеком деятельным, сразу начал трудиться день и ночь. К нему за много километров живность приводили, да и сам он ездил немало, за что ценили его и уважали.

Да и не только живность, но и со своей хворью люди приезжали. Ну, конечно, за излечение скотины и самих себя его щедро благодарили. И по-другому быть не могло. Ведь на Руси как заведено: если доктор или ветеринар – не важно – за лечение «благодарственную подать» не берет, значит – он сам в выздоровление больного не верит.

Поставил Федор себе новый дом, двух рысаков разьездных завел. Главным увлечением его стали всякие коляски, брички, пролетки. По весне он их сам черным лаком в несколько слоев покрывал, говорил, что поверхность у них должна быть как у рояля. В воскресные и праздничные дни запрягал он в коляску любимого рысака и отправлялся с молодой женой в город. Принимали его везде с почетом. И зависти к нему ни у кого не было, потому как все видели, каким тяжелым трудом во благо всех он свое благополучие сколачивал. Зависть у людей появляется к тем, кто нечестным путем разбогател, а к тем, кто своим горбом и головой богатство приумножает, к тем уважение и даже гордость за них у людей просыпается. Промчится Федор порой на рысаке с красавицей-женой по селу, селяне ему кланяются и вдогонку добрые слова посылают: «Смотри! Наш доктор в город погнал. Видать, и там без него обойтись не могут».

А потом для полного счастья сын у них родился, здоровый, смышленный мальчик, Федором его назвали. Когда малыш немного подрос, отец его с собой на выезды брать стал, рассказывал и показывал, как с живностью больной обращаться надо. При этом все время приговаривал: «У меня одна рука здоровая, и то, видишь, справляюсь, а у тебя две, ты в два раза больше сделать сможешь».

Любовь к животным передалась от отца к Федору-младшему. Отец делал это осторожно. При каждом удобном случае он наставлял сына: «От животных, Федор, здоровье идет. Ты его вылечишь, а он тебя потом не только теплом согреет, но и силу свою отдаст».

Так оно и было. Вырос Федор парнем здоровенным. И хотя роста он был чуть выше среднего, но казался совсем невысоким из-за широких плеч. Ну и силу в него необыкновенную природа вложила. Если отцу надо было больного теленка поднять, то он к сыну обращался.

В общем, жили они легко и радостно. Отец Федору все время повторял: «Если у тебя в руках настоящее дело – ничего не бойся. Все равно ты людям понадобишься. А коль ты им добро сделаешь, они тебя не забудут, добром заплатят. На том Россия веками стояла и стоять будет». Так оно и получилось. Когда коллективизация нагрянула и всю живность в колхозы сгонять стали, тогда и на ветеринарских двух коней замахнулись. А Федор спокойно говорит:

«Забирайте, только учтите, начнется падеж скота, я двадцать километров пешком отмеривать не смогу. С голоду помрете». Подумали горячие головы, сообразили, да одну лошадь оставили.

У Федора с родителями были удивительно теплые отношения, особенно с отцом. Опытный в профессии и в жизни, отец при общении с сыном никогда не прибегал к поучительному тону, предпочитая ему рассказ на тему. Как ни странно, но любимой темой было пребывание в немецком плену, и при этом он любил отмечать метаморфозу, произошедшую с ним: «На войну я ушел противником Германии, а вернулся ее сторонником». Больше всего его восхищало в немцах отношение к труду. Он часто повторял Федору: «Если ты немцу скажешь: „Сделай это плохо“, он не сможет. Немец сконструирован так, чтобы делать все добросовестно, иначе это будет против его природы. А против природы, сам понимаешь, никто пойти не в силах».

С Первой империалистической войны Федор-старший привез нож из знаменитой немецкой стали фирмы «Золлинген», да две книги по ветеринарной части. Демонстрируя нож сыну, он всегда повторял: «Это лучшая сталь в мире, выкованная в немецкой кузнице, а книги эти – лучшее руководство по лечению домашних животных. Учи немецкий язык, тогда и эти мудрости постигнешь». Так восхищение немецкой нацией передалось от отца к сыну. Усиливалось оно еще и тем, что отец рассказывал о пребывании в плену и о немцах преимущественно хорошее. Все негативное, связанное с унижениями, неизбежными спутниками пребывания в плену, оставалось за гранью повествования.

Шло время. Федор-младший окончил школу, затем по настоянию отца техникум в городе и скоро мог не только вместе с отцом работать, а иногда и заменять его. Со временем, кроме любви к животным, у Федора-младшего появилась еще одна страсть. Сначала он внимательно присматривался к мастерам, строящим деревянные дома. Потом попросился в бригаду подсобным рабочим. Обладателя громадной физической силы, Федора взяли с удовольствием. Года полтора он проработал в бригаде, а потом стал ставить дома самостоятельно с минимальным количеством рабочих рук, чаще всего вдвоем с другом Володей, причем делал это с великим удовольствием. Оказалось, что он наделен чувством пропорции. Постройки у него были не обычные, как у всех на селе, а смотрелись как на картинке. И крыши немного отличались, и окна идеально соответствовали размеру стен. Поэтому его дома хоть и «глазастыми» называли, но в них зимой тепло хорошо удерживалось, а летом прохлада сохранялась. И при этом круглый год в избах было светло.

Но настало трагическое мартовское утро. Ночи еще были холодные, а солнце, поднимавшееся по голубому небу с белыми барашками, светило уже совсем по-весеннему ярко и даже осторожно начинало пригревать. Природа просыпалась, а с нею просыпалась и надежда на то, что земля вскоре освободится от снега. Главное, не надо будет дрожать от холода долгими зимними ночами.

В селе на реке были проблемы с переправой с берега на берег. Летом до ближайшего моста, если вверх по течению, семь километров, вниз – двенадцать. То есть на поездку туда и обратно у селян целый день уходил. А зимой, когда мороз реку сковывал, лед более метра нарастал. Хоть на лошадях, хоть на машинах на тот берег за пять минут население перебиралось.

Сестра Федора Варвара жила на высоком берегу. Навестить ее в тот день решили всей семьей. Сели в сани, прогарцевали по всему поселку, а когда уже к самой реке спустились, Федор-старший вдруг остановил лошадь.

– Сынок, пожалуй, будет лучше, если ты дома останешься. Из деревни должны к нам большую телку привезти. Ты ее прими, а я к вечеру вернусь, и мы решим, что с ней делать.

Федор-младший с саней не сразу слез, все к реке приглядывался.

– Хорошо, отец, я домой пойду. Но мне кажется, что вам лучше ехать в объезд по мосту, а то уж больно лед слабый стал.

Но отец отмахнулся.

Федор-младший из саней вылез, встал на берегу и, прикрывая глаза от солнца, решил проводить взглядом родителей. Сани двинулись по накатанному пути. Доехали примерно до середины реки, и вдруг сначала под лошадей, а потом и под санями лед треснул, и течение потянуло их под лед. Сани исчезли под водой сразу, а вот могучий конь не хотел сдаваться. Очутившись в холодной воде, он попытался бороться со стихией. Но силы его быстро иссякли, и его голова скрылась под водой.

Все случилось так неожиданно, что мозг Федора, стоявшего на берегу, не мог осознать сразу всего происшедшего. Он сначала стал тереть глаза, затем добежал до полыньи, метнулся вниз по течению, потом вернулся. Все напрасно. Сел на лед, обнял голову руками и так просидел до вечера, не отрывая взгляда от громадной промоины, образовавшейся в ледяном покрытии реки.

Вечером жители уговорили его вернуться в поселок, но в дом он долго заходить отказывался. Привезли тетку Варвару, она уговорила племянника открыть дверь.

Но спать Федор все равно не стал, не смог ни разу и заплакать. Уставился в одну точку и сидел в такой позе, почти не двигаясь. Варвара уговаривала его поплакать или поесть, боялась, что он мозгами сдвинется. Но он от всего отказывался.

Однако на четвертый день Федор встал, переоделся, пошел на берег, на то место, где попрощался с родителями. Постоял некоторое время.

Река посередине ото льда за эти дни освободилась, и вода местами выплескивалась из тесного русла на еще окаймлявшую берег, ставшую прозрачной, как стекло, ледяную корку. Как все поколение, Федор рос атеистом, но на сей раз легко и почти привычно перекрестил место, где его родители ушли под лед, затем повернулся, поднял голову, глядя на церковь, прямо возвышавшуюся перед ним, осенил себя крестным знаменем и пошел домой.

Словно в ответ сверху, как по наитию, спустился колокольный звон и пошел гулять по воде, рассыпаясь в разные стороны мелким бисером. Но Федор не обратил на это внимания. Он не понял тогда, что звон этот – упреждающий, и имел к нему, да и ко всем селянам, самое прямое отношение.

После трагедии Федор долгое время никак не мог найти себе место в жизни. Трудно было и тетке Варваре. Она не хотела бросать свой дом, но и не считала себя вправе оставлять любимого племянника в одиночестве, поэтому ей приходилось метаться между двумя поселками. Чтобы облегчить ей жизнь, Федор уже с начала лета сработал небольшую лодку, на которой возил Варвару на противоположный берег и забирал обратно. Но его часто не было дома, приходилось уезжать к болеющим животным. Вот и позвал Федор на роль перевозчика Дениса, сына соседки. Парень он был хороший, но, как говорили селяне, порченный. У него был небольшой дефект речи и нарушение координации движений. Федор уговорил Дениса за небольшую плату перевозить Варвару с берега на берег. Скоро к ней стали присоединяться и другие селяне.

Постепенно количество желающих быстро переправиться на другую сторону реки росло. Пришлось увеличить и размеры лодки, отчего усилилась и нагрузка на перевозчика. Гребля – занятие благодатное. От серьезных физических нагрузок и общения с односельчанами соседский сын к концу лета заметно возмужал и стал много лучше говорить, а главное – двигаться. Те, кто пользовались переправой, благодарили Федора, а соседка в знак благодарности за улучшение здоровья сына стала регулярно печь вкусные пироги для Федора. Сначала по праздникам, а затем и в будние дни.

Федор исправно продолжал дело отца. В лечении животных никому не отказывал, но и свое увлечение – строительство домов не бросил. Трудился с раннего утра и допоздна, не оставляя свободного времени на тяжелые думы и воспоминания.

И все же порой вопреки его стараниям они вторгались в его жизнь. Тогда он шел к реке. Садился на прибрежный камень и часами смотрел на реку, туда, где исчезли его родители. Однажды теплым летним вечером он как обычно пришел на берег перед самым заходом солнца и сел на камень.

Солнце садилось за горизонт все глубже, забирая с неба отсвет своих лучей. Вода стала темнеть. Федор сидел, поставив локти на колени и положив голову на руки. Река текла ровно, спокойно, в ее зеркальной поверхности отражались едва подсвеченные уходящим солнцем облака и пышные шапки громадных ив, нависавших над водой. Было удивительно тихо. Река текла так спокойно, что от созерцания гладкой поверхности воды невольно напрашивалось банальное сравнение с зеркалом.

Неожиданно где-то недалеко от берега вода покрылась рябью. Ни единого дуновения ветерка, ни волнения – и вдруг ни с того ни с сего появилась шероховатость на воде. «Неужели косяк рыбы?» – от удивления Федор привстал. Рябь улеглась, и вода пошла какими-то замысловатыми разводами, под которыми он вдруг увидел родное лицо матери. Плоское изображение было покрыто тонким слоем воды и мерно покачивалось в такт ее колебаниям. Лицо было как всегда спокойно, будто никакой трагедии не произошло.

Тут же к изображению присоединился хорошо знакомый ему с детства материнский голос: «Дорогой Федорушка! Ты единственное наше дитя и большая радость! То, что произошло, должно было случиться рано или поздно. Я всегда боялась остаться без твоего папы. Но судьба оказалась милостивой, и мы теперь с ним навсегда вместе. Просим тебя, не терзай свое сердце, оно тебе нужно здоровым для жизни. Поэтому не ходи к реке, не ищи нас глазами. Не растрачивай напрасно земное время. Знай, пока ты о нас помнишь – мы с тобой. Отец считает, что ты все делаешь правильно. Возьми его книги и иди в город к Отто Метцу, он поможет тебе выучить немецкий язык. В жизни пригодится. Долго в одиночестве не оставайся. Женись и род наш благородный продолжи. А теперь ступай, и сюда, к реке, напрасно не наведишься. Придет время, и мы опять будем вместе».

Изображение исчезло. Федор поднялся и пошел домой. Шел он, не спеша, и мысли его расплзались в разные стороны. Явление матери он воспринял не как наваждение, а как послание свыше.

Войдя в дом, Федор почувствовал облегчение. Все, что он делал, было правильно, и все, что нужно было делать в дальнейшем, становилось абсолютно ясным. Тетка Варвара пристально посмотрела на него:

– Ты что, Федор, в церкви был что ли?

– Нет, на реку ходил, – признался Федор, но дальше рассказывать не стал.

Варвара покачала головой, то ли удовлетворенная ответом, то ли недовольная его поступком. Этого он никогда не мог определить.

Однажды январским морозным днем, когда температура опустилась ниже тридцати градусов, Федор возвращался с вызова. Солнце светило так ярко, что даже его отражение от белого снега резало глаза. Деревья, спасаясь от холода, припорошились инеем. Две дорожные колеи, отполированные полозьями саней, блестели, словно покрытые свежим лаком. До дома оставалось не больше двух верст, когда лошадь стала проявлять нервозность: то пускалась вскачь, то резко замирала, выпучивала испуганно глаза, втягивая с хрипом нервно подрагивавшими ноздрями морозный воздух.

Федор остановился, слез из саней:

– Ты чего нервничаешь? Ничего не бойся. Я тебя в обиду не дам, – потрепал он ее по гриве.

Лошадь не поверила ему. Федор огляделся и тут же обнаружил причину ее необычного поведения. Два волка гнали по окраине леса молодого лося. В следующее мгновение они настигли жертву, и завязалась схватка. Поднялись клубы снега. Тут же стало ясно, что с первой попытки хищникам не удалось одолеть жертву.

Лось рванулся в лес. Волки бросились за ним. Послышался хрип, повизгивание. Федор вынул нож, и побежал помогать лосю.

Федор не испытывал ни малейшего страха перед волком. Еще в ранней юности отец объяснил ему, что все сюжеты, подобные Красной Шапочке, где существенную роль играет злой волк, пригодны только для сказок. В жизни же надо учитывать, что в волка заложен генетический страх перед человеком, поэтому он всегда старается избегать встреч с ним.

Позже наиздания отца подтвердили охотники. А еще позже Федор неоднократно убеждался в этом сам. Охотой он никогда не увлекался, что-то в этом занятии ему претило. Однажды он убедился, что вообще не способен убить животное. Накануне какого-то праздника тетка Варвара попросила зарезать петуха. Поначалу Федор согласился, отловил птицу, взял топор и пошел на задний двор, где стоял пень, служивший плахой для таких дел. Но, подойдя к месту экзекуции, Федор остановился. Петуха отпустил, топор поставил на место и, явившись к тетке Варваре, чистосердечно признался:

– Я рожден, чтобы животных лечить, а вот забивать их – это другая профессия.

Варвара покачала головой:

– Да, Федор, я все больше убеждаюсь, что ты не от мира сего. Думаешь, я вечная? После меня как хозяйство-то вести собираешься?

Федор находился в том возрасте, когда о конце жизни размышляют как о чем-то иллюзорном, примеряя смерть на всех, кроме себя, поэтому особого значения стенаниям любимой тетушки он не придал, хотя нельзя сказать, чтобы сказанное не оставило следа в его памяти.

– Всему свое время, – буркнул он и пошел прочь.

Гоняться за волками – занятие бессмысленное. Пройдя несколько шагов по кровавому следу вглубь леса, Федор на мгновение остановился и изо всех сил грозно закричал. Видимо, могучий окрик достиг цели, потому что совсем близко от него впереди за деревьями метнулась запорошенная снегом волчья тень. Далее кровавый след петлял между тесно растущими молодыми деревьями. Федор продрался через густой заслон веток и, пройдя через белую пелену осыпающегося с них снега, очутился на поляне.

Прямо перед ним, упрямо упершись всеми четырьмя лапами в снег, стоял матерый волчище. Шкура у него была в нескольких местах порвана, из ран сочилась кровь и, пробившись через шерстяной покров, каплями спадала на белоснежный покров. В двух шагах за ним, лежа на снегу, зализывала раны волчица. При виде Федора волк ощерился и показал клыки.

– Ну что, будем ссориться или разойдемся по-хорошему? – поинтересовался Федор.

Мирный тон в первую очередь подействовал на волчицу, а затем и волк стал отходить в чащу.

Федор запихнул за пояс нож и оглядел поле боя. Больше всего его удивило количество сломанных веток. Он попробовал восстановить картину смертельной схватки. Видимо, волки нагнали лося на опушке леса и по всем правилам охоты накиннулись на него сзади. Обезумев от боли и смертельного страха, животное рванулось в чащу. Проламывая могучим телом дорогу среди крепких сучьев, он сбросил обоих хищников на снег, нанеся им значительные травмы. Судя по изуродованной морде вожака, можно было подумать, что тот каким-то образом попал под мощный удар копыта.

Федор решил, что его окрик мог также сыграть какую-то роль в развязке драмы. Пройдя еще немного, он остановился.

«Волк и лось – обитатели леса, и вмешательство в их отношения человека может иметь только пагубное последствие, – вспомнил он сказанное однажды отцом. – Будь лось домашним животным, тогда человек должен был бы защитить его, а так...»

Федор уже готов был повернуть обратно, но какая-то сила продолжала его вести вперед. То, что он увидел, прошагав еще несколько метров, поразило.

На открывшейся небольшой поляне прямо перед ним на снегу в луже крови лежал не лось, а жеребенок необычной окраски. Он был черным, но природа изобразила на его груди белые пятна, которые выстроились в ряд.

«О! Ты как будто в сюртук одетый!», – подумал Федор.

Жеребенок был совсем молоденький. Он смотрел громадными глазами, окаймленными необыкновенно длинными ресницами, аккуратно загнутыми вверх, как у городских модниц.

Совсем юное, необыкновенной красоты существо прощалось с жизнью, не успев познать ее. И глаза смотрели на человека без всякой надежды и упрека. Федор почувствовал, как у него от волнения сдавило горло.

– Ну ты боец, – пришел в восторг Федор, подходя ближе. – Р аз ты за себя так биться можешь, значит, тебе на роду долго жить написано, – сказал он.

Федор взял жеребенка за задние ноги и поволок по мягкому снегу. Тот не сопротивлялся. Однако когда они были уже в нескольких метрах от накатанной дороги, Федор обнаружил, что ни саней, ни лошади на месте не было. Страх перед волками погнал ее в село. Тащить истекающее кровью животное волоком до села по дороге было невозможно.

Федор обернулся. У кромки леса чернели две знакомые волчьи фигуры. Оправившись от нанесенных ударов и зализав наскоро раны, хищники вернулись добывать жертву и теперь выжидали удобного момента.

– Что же мне с тобой делать?

Видимо, проникнув озабоченностью человека, жеребенок напрягся изо всех сил, встал на колени, затем поднялся на все четыре ноги, но сдвинуться с места не смог.

Федор воспользовался моментом, подлез под жеребенка, подставил свои могучие плечи и выпрямился вместе с тяжелой ношей. Затем повернулся в сторону волков и громко прокричал, подкрепляя выразительные слова не менее выразительными жестами:

– Вот вам, выкусите. Двое на одного! Не дам вам на растерзание младенца. И не ждите!

Жеребенок был молод, но тяжел. И все же он не казался Федору тяжелее бревен, которые приходилось перетаскивать при строительстве домов. Но то были бревна, их Федор поднимал на нужную высоту и тут же сбрасывал. А с животным надо было идти. И он, стиснув зубы, двинулся вперед.

Несмотря на мороз, голова покрылась испариной. Жеребенок лежал на плечах послушно, не шевелясь. А вот шапка при движении упала на снег. Федор не стал останавливаться. Без шапки даже было лучше. Испарина, схваченная холодом, тут же превращалась в кристаллы инея, которые приятно охладили голову. Пройдя примерно полверсты, Федор почувствовал, как с каждым шагом ноша стала прибавлять в весе.

Пройдя еще немного, неожиданно он услышал впереди звон колокольчиков, конский топот и веселый смех. Навстречу ему из-за поворота вырвались две празднично украшенные упряжки. Молодежь весело пела и громко балагурила. Увидев Федора с необычной ношей, они развеселились еще больше.

– Глянь, глянь, – раздались голоса, – мы на лошадях катаемся, а у Федора все наоборот – лошади на нем ездят.

Но на этом шутки прекратились. На селе отношения между людьми строятся не на положении человека, а на уважении к нему. Видимо, вид у Федора был невеселый, а, может, даже и устрашающий.

Сани остановились, из них легко выскочила местная красавица Груня и подбежала к Федору:

– Что случилось? – испуганно всплеснула руками розовошекая девица. – Да вы весь в крови, Федор Федорович. – Она посмотрела на жеребенка. – Кто это его так?

Федор еще тяжело дышал и лишь кивнул в сторону волков. Те, увидев скопление людей, неохотно ретировались с занятых позиций поближе к лесу.

– Чего стоите, как... – прервала наступившее молчание Груня, обращаясь к друзьям, – грузите животное, и Федору Федоровичу место уступите.

– А мы куда же? – робко поинтересовался один из ее ухажеров.

– Вы за его шапкой сбегайте. Где-то недалеко она, – распорядилась Груня. – Сейчас быстро отвезем Федора Федоровича, потом за вами вернемся.

Груня села в сани рядом с Федором.

– А куда же ваша упряжка делась? – поинтересовалась она.

– Пока я тут с волками разбирался, лошадь моя со страху в поселок умчалась.

– Надеетесь выходить его? – кивнула девушка в сторону жеребенка, лежавшего в санях.

– Буду стараться, – сухо ответил Федор, – конь необычный, свободолюбивый, с волевым характером.

– Да, красивый, как нарисованный. Я, честно говоря, никогда таких не видела.

– Я тоже, – вяло подтвердил Федор.

Жеребенка отнесли в дом. Молодежь, переминавшаяся от нетерпения с ноги на ногу, тут же удалилась вместе с Груней, чтобы продолжить прерванное веселье. Оставшись один, Федор обработал многочисленные раны, затянул самые крупные разрывы, остановил кровотечение. Жеребенок переносил боль стойко, иногда глаза у него выкатывались от боли, и ноги, то передние, то задние конвульсивно дергались. Закончив все процедуры, Федор сходил в сарай, принес в дом большую охапку сена, аккуратно расстелил на полу и уложил на нее раненого.

Затем он подбросил в печку несколько полешек, сел за стол, положил голову на руки, и, сраженный усталостью и окутавшим его теплом, погрузился в сон.

Федор проснулся, услышав, как кто-то осторожно, но настойчиво стучал в окошко. Он поднялся и отодвинул занавеску.

– Это я, Груня, откройте, я на секундочку к вам зайду.

Федор открыл дверь, и вместе с Груней в дом ворвались клубы холодного воздуха. Разрумянившаяся от мороза, она была невероятно хороша, и сильно напоминала матрешку с лубочной картинкой. Сев на краешек скамейки, Груня сразу поинтересовалась:

– Как он, ваш жеребчик, выживет?

Федор пожал плечами.

– Я что мог, сделал, остальное от него зависит. Думаю, сегодняшняя ночь критическая. Преодолеет – значит, жить будет.

Груня нагнулась к лежащему на сене жеребенку и долго разглядывала его. Тот лежал с открытыми глазами и часто дышал, как будто пробежал только что без передышки десяток верст.

– Жалко его, – Груня поднялась и присела опять на лавку. – Ведь он не может сказать, что с ним происходит.

Федор махнул рукой.

– Говорить ему не обязательно, я и без него все знаю. У него от потери крови сейчас жажда. Сам он пить не может, значит, нужно поить его.

– Это что ж, вы всю ночь с ним сидеть будете?

– Я бы и три просидел, только бы его выходить. Понимаешь, он боец настоящий. Такой маленький, а от двух волков отбил. Это же надо такой характер иметь!

– Да, редкий случай.

Жеребенок захрипел. Федор поднялся, взял бутылку и стал поить его.

– Надо, чтобы он побыстрее крови наработал, хотя бы часть из потерянной.

– Вот что, Федор Федорович, – Груня решительно встала и не менее решительно объявила, – сегодня я остаюсь здесь. Одному вам трудно всю ночь не спать. Будем по очереди жеребчика выхаживать. Я только пойду маму предупреджу, чтоб не волновалась.

Все произошло так быстро, что Федор не успел среагировать. Он растерянно смотрел на Груню, подыскивая наилучший вариант ответа на неожиданно смелое предложение. Взгляд его остановился на длинном ряде перламутровых пуговиц, нашитых на ее кофточке так близко одна к другой, что они образовывали нечто, похожее на гирлянду, спускавшуюся от подбородка вниз и исчезающую за широким поясом юбки, крепко обтягивавшем талию. Несколько пуговиц в верхней части гирлянды не выдержали внутреннего напора, вылезли из петель и обнажили часть вырвавшейся на свободу девичьей груди.

Груня поймала взгляд Федора, но исправлять дефект, образовавшийся по воле случая во внешнем облике, не стала. Она лишь озорно улыбнулась, легко развернулась на одной ноге и направилась к двери, бросив напоследок:

– Я мигом. Скоро вернусь. Вы только дверь не запирайте.

Федору очень захотелось дотронуться рукой до ее тела. Чтобы скрыть смущение, он поспешно открыл дверь и выпустил гостью вместе с клубами теплого воздуха в морозную ночь.

– Может быть, тебя проводить? А то смотри, темень какая, как бы кто...

– Я тут дома, – почему-то обиделась Груня.

Как и обещала, она вернулась скоро с морозным румянцем на щеках, кринкой топленого молока и ржаными лепешками в руках.

– Не голодать же нам? А молоко и жеребчику полезно будет. – Она выложила все принесенное на стол. – Поужинаем, и вы спать ложитесь. День тяжелый был, такую ношу на себе тащили! Я пока за раненым поухаживаю. А когда проснетесь, меня смените. Потом я посплю. Так и будем по очереди отдыхать, пока он не поправится.

Уверенность Груни в том, что жеребенок выживет, повлияла на Федора успокаивающе. Он сел на лежанку, сработанную своими руками и попробовал для приличия возразить доброй фее, которую обрекал на бессонную ночь, но при виде подушки тут же рухнул на лежище.

Проснулся он, когда уже вошло солнце. Груня почти бесшумно передвигалась по комнате, неторопливо накрывая на стол. Она растопила печь. По всему дому распространялся живительный запах теплого хлеба и еще чего-то милого и знакомого Федору по тем временам, когда были живы его родители.

Открыв глаза, он некоторое время оставался лежать без движения, чтобы не разрушить ностальгическую атмосферу детства и понаблюдать за желанной гостьей, которая об этом не догадывалась. Удивительно, но бессонная ночь не оставила никаких следов на ее внешнем облике. Лицо не стало бледнее, а движения менее рациональными. Она была приучена делать все капитально с первого раза. Вот и сейчас, раскладывая что-то на столе, она не суежилась, не поправляла то, что сделала первоначально. Передвигалась она в пространстве тоже не как другие – решительно, но почти бесшумно. Наблюдая за нею, Федор меньше всего хотел обнаружить в представшем перед ним прекрасном облике какой-либо изъян. Но если бы он даже приложил к этому максимум усилий, то его старания вряд ли увенчались успехом. Таким совершенством казалась она ему в то раннее утро. Если Груня нагибалась, чтобы поднять что-то с пола, то тут же обнажала стройные, пропорциональные ее росту ноги, а также маня-

щие излучаемым теплом, затянутые в бархатистую кожу округлости, восходящие к соблазнительно покачивающимся бедрам. Когда же она выпрямлялась, то весь соблазн, словно глицерин, устремлялся вверх, наполняя до отказа округлости выше пояса и так плотно, что, казалось, дотронься до них рукой и раздастся звон как от соприкосновения с хрустальным бокалом.

К полудню явилась Варвара. Уже с порога она объявила, что заскочила ненадолго, так сказать с «визитом вежливости», и тут же с очередной оказией должна возвратиться засветло домой, где у нее остались нерешенные хозяйственные дела. Видимо, спешка не дала ей возможности по достоинству оценить и факт присутствия в доме Груни, которую она обнаружила к тому же спящей. Но это вовсе не остановило ее от обычного брюзжания в адрес Федора, даже после того, как он терпеливо и подробно рассказал ей обо всем случившемся с ним и жеребенком.

– Ты что же теперь из-за этой скотины вообще спать не будешь? – поинтересовалась Варвара.

– Да не волнуйся ты, вот вылечу коня и отосплюсь.

– Ох, и непутевый ты, Федор.

– Это почему же?

– На что он тебе, этот жеребенок, сдался, чтобы из-за него не спать?

– Жить он должен, Варвара, а за его жизнь бороться надо. Придется пободрствовать.

– Весь поселок над тобой смеется, – не унималась Варвара. – Говорят, нормальные люди на лошадях ездят, а вот твой Федор лошадей на себе таскает.

– Ты, Варвара, передай тем, кому смешно, что если лошадей не выхаживать, то и насмешникам не на чем ездить будет, а пешком они наших просторов не одолеют.

– Ладно, свои дела сделаю, забегу к Евдокии, а потом к тебе...

Вместо того чтобы закончить мысль, она поспешила к своей подруге детства, соседке, которая проживала на высоком берегу реки, прямо напротив церкви. Несмотря на близость к храму, Евдокия не отличалась смиренностью, унаследовав бунтарский характер от прадеда, как говорили, «непутевого» крестьянина, бежавшего еще во времена крепостного права от помещика на Урал, где он примкнул к отряду бунтаря Пугачева, который объявил себя самодержцем России. За покушение на царский престол самозванец был схвачен, привезен в клетке в Москву и публично четвертован. К деду Евдокии судьба отнеслась более благосклонно: ему не рубили руки, голову. Сначала его посадили в острог, а затем отправили на каторгу в Сибирь, откуда он бежал и долгое время скитался, скрываясь от царского правосудия. В родное село вернулся лишь после отмены крепостного права. Сильно состарившись, он превратился к тому времени в существо настолько большое и немощное, что ни карать, ни сажать его никто не стал. Прожил он после возвращения совсем недолго, не оставив после себя ничего кроме клочки «беглый», которую унаследовали и все его многочисленные потомки, расселившиеся по разным землям от Волги до Дуная.

Евдокия была женщина смелая, энергичная и обладала тем свойством, что находиться в состоянии молчаливого покоя было для нее тяжелым испытанием. Наиболее эффективной формой воздействия на окружение она считала речь нецензурную. Причем ругалась она многоэтажно, разнообразно и, что особенно примечательно, не по злобе, но исключительно из-за сочувствия и сожаления к тому, кого поносила. Порою в это словоизлияние вкладывалось столько искреннего сострадания, что оно могло обезоружить даже весьма легкоранимую душу, не приученную к специфической лексике. Самыми яркими в ее речах были неожиданные эпитеты, которые вряд ли взялся переводить с нецензурного на светский даже самый опытный лингвист.

Варвара, напротив, обладала нравом спокойным, из-за чего ее дружба с Евдокией была столь же долговечной, сколь и плодотворной. Они могли часами общаться друг с другом.

Бывало, что диалог между подругами достигал такого накала, что ни одна из сторон не осмеливалась прервать его, если даже день, исчерпав себя, переходил в ночь. В этом случае Варвара оставалась на ночевку у подруги с тем, чтобы в лучшем виде сохранить до следующего дня нить разговора, начатого накануне пребывания гости.

Жила Евдокия просторно: три отапливаемых комнаты внизу и антресоль наверху, которую использовали только в летнее, теплое время. Детей у нее не было, хотя многие делали ей намеки на необходимость продолжения рода, стараясь при этом в первую очередь удовлетворить свое любопытство по поводу того, не хочет она плодить потомство или не может. Евдокия, обычно не скупившаяся на слова, на сей раз отвечала коротко: «Сама знаю, не первый раз замужем». На сей раз это была не только избитая по тем временам фраза, но одновременно и чистая правда.

Евдокия коротала свой век уже с третьим мужем. Первый оставил ее, отправившись в мир иной при совершенно невыясненных обстоятельствах. Слыл он на селе абсолютным трезвенником, то есть по сельским понятиям человеком неполноценным. И, тем не менее, выйдя однажды в январскую стужу из дома, он по каким-то причинам обратно не вернулся. Некоторое время спустя нашли в лесу его обглоданное волками тело, которое удалось опознать только по остаткам одежды. Предполагали, что в какой-то момент отказало сердце, и он стал жертвой лютого мороза и хищников. Что было первопричиной, выяснять не стали, поскольку не видели в этом смысла.

Второго мужа к трезвенникам отнести было нельзя. Поэтому в отличие от первого супруга Евдокии уход его из жизни произошел при совершенно конкретно выясненных обстоятельствах. Однажды в последних числах апреля, изрядно подвыпив, он поспорил с другом по поводу того, что легко преодолет вплавь еще не вошедшую в обычные берега после половодья достаточно бурно текущую реку. Цена за отвагу в виде двух бутылок водки была столь велика, что сковала мозг и затмила все потенциальные опасности, таившиеся в пьяной авантюре. Вода неохотно сочетается с алкоголем, особенно если он оказывается в утробе человека. Отважный пловец сбросил с себя верхнюю одежду, и чтобы не оставлять времени для пересмотра принятого решения, тут же прыгнул в реку. Бурный поток, словно матерый хищник, поджидавший жертву, набросился на него, сковал холодом конечности, легко, как пушинку, отбросил в водоворот, будто для прощания со светлым миром, вытолкнул дважды его голову на поверхность и затем затянул окончательно в темную пучину на дно, спешно прикрыв водяной гладью от людских взоров разыгравшуюся трагедию. По осени мужики из деревни, что располагалась девятью километрами ниже по течению, занятые рыбной ловлей, вытащили сеть с трупом, пол которого трудно было установить, поскольку характерные половые признаки были съедены раками. И только Евдокия по каким-то ей одной известным деталям опознала в утопленнике своего бывшего супруга, признав одновременно и свое повторное вдовство.

Третий муж, учтя печальный опыт своих предшественников, вел себя в браке смирно. Каких-либо серьезных отклонений от установок, даваемых Евдокией, не допускал, в ее личные дела не вмешивался, и когда женщины усаживались за стол для беседы, он тут же забирался на печь, откуда вскоре раздавался могучий храп, которым он не только оповещал всех бодрствовавших в доме об одолевшем его сне, но одновременно отпугивал насекомых, стремящихся, как все кровососущие твари, к теплу.

Проводив Варвару, Федор вовсе не был уверен, что его любимая тетушка действительно реализует свой план вернуться к нему. Он знал, что легкомысленно брошенное «забегу к Евдокии», вовсе не следовало понимать как короткую встречу у крыльца, а скорее как продолжительную беседу далеко за полночь, как это чаще всего и случалось.

Федор вернулся в дом к дежурству по уходу за жеребенком. Он взял табуретку и сел так, чтобы ему было удобно наблюдать одновременно за спокойно спавшей Груней и все еще

неестественно часто дышавшим животным. Жеребенок лежал с широко раскрытыми глазами. Когда же их взгляды встречались, то Федор к великому удивлению видел в глазах жеребенка не страх перед смертью и мучениями, не мольбу о спасении, а, как ему казалось, великую благодарность за доброе отношение человека.

Более того, Федор не сомневался в том, что если бы жеребенок вдруг заговорил, то он вряд ли смог что-либо добавить к тому, что уже было сказано его глазами.

Федор сел поближе к больному. Жеребенок потянулся, и дыхание несколько успокоилось. Федор перевел взгляд на Груню и долго не мог отвести глаз.

Груня спала, как ребенок, – крепко и с удовольствием, поджав колени к груди и свернувшись в клубок, чтобы сохранить пододеяльный уют. Федору показалось, что ей холодно, и он тут же ощутил потребность согреть ее, причем самым необычным способом – юркнуть под одеяло, обнять ее упругое тело, прижать к себе, чтобы раствориться в излучаемом обоими тепле. Влечение было настолько сильным, что он даже встал, сделал несколько шагов, но затем изменил направление и, подойдя к печке, подбросил в топку несколько березовых поленьев. Может быть, она доверилась ему из совершенно иных соображений, нежели он себе все это сейчас представляет? И все ее побуждения более чисты, чем его? Вполне может быть. Как знать, что она может подумать? Ведь они до сих пор не обмолвились ни одним словом по поводу чувств, испытываемых друг к другу. И может быть, тот факт, что она осталась с ним наедине ночью, всего лишь знак доверия, а вовсе не согласия на что-то большее.

Тем временем в доме стало жарко. От избытка тепла и будто в благодарность за проявленную Федором заботу Груня, словно желая продлить искушение, изменила позу. Перевернувшись на спину, она отбросила верхнюю часть одеяла. Чтобы не подвергать себя испытаниям, Федор накрыл толкающий к безрассудству соблазн одеялом, сел поближе к жеребенку и положил ему, как обычно, руку на лоснившуюся от влаги шею. Жеребенок вновь вытянул все четыре ноги, дыхание успокоилось, а похотливое томление в груди Федора испарилось.

Шли дни, а состояние больного не улучшалось. Федор почувствовал, как теряет уверенность в своих ветеринарных способностях и впервые ощутил отсутствие должного опыта, который порой заменял знание. Вспомнил отца, который редко заглядывал в специальные книги, а ставил диагнозы и назначал лечение, опираясь лишь на прецеденты, которых накопил множество за свою долгую жизнь и многолетнюю практику.

За спиной у Федора не было ни того, ни другого. И это приводило в отчаяние.

«Отец бы давно и точно определил, какое лечение необходимо», – думал Федор, и на душе становилось еще более скверно. Признаваться в бессилии, будучи в полном расцвете лет, да еще перед юной особой, к которой он испытывал постоянно растущее влечение, было сверх его сил. Тем более, что Груня удивительно честно выполняла нежданно возникшие договоренности по уходу за жеребенком, к которому она прониклась искренней любовью. Собственно, по-другому и быть не могло. Она была полностью лишена чего-либо поддельного.

И это не имело ничего общего с провинциальностью, в которой Груню и ее сверстников, пришедших из села, обвиняли ее однокурсники по училищу в городе, особенно те, на настойчивые ухаживания которых она реагировала отрицательно. Делала она это решительно, но с большой долей такта, хотя и не без сарказма. Городские ухажеры Груню побаивались и предпочитали злословить за ее спиной. Но порой обстоятельства складывались не в их пользу.

Как-то один из парней, наиболее рьяно добивавшийся расположения Груни и желая, видимо, скрыть от остальных посетившее его чувство, но, не соразмерив силу своего голоса с расстоянием, на которое была удалена от него в тот момент его симпатия, неосторожно бросил окружившим его собратам:

– Не понимаю, чего это вы так носитесь с ней? Была деревенщиной, деревенщиной и останется. Вот отучится у нас в городе и опять подается к себе в село.

Слово «деревенщина» звучало в те времена особенно обидно, а спускать обиду было не в правилах Груни. Едва он успел закончить фразу, как перед ним выросла фигура той самой представительницы деревни, о которой он позволил себе только что столь нелестно отзываться. Странно, но Груня не выглядела возмущенной или уязвленной. Со стороны могло показаться, что услышанное чем-то даже развеселило ее.

– Послушай-ка, дорогой мой вождь молодежи! Наша партия и правительство выступают за стирание граней между городом и деревней, а ты...

– А я что? – испугался незадачливый поклонник урбанизации. – Что я должен делать?

– Тереть усердно!

– Что тереть?

– Грань между деревней и городом.

Она добро улыбнулась, и две милые ямочки, проявившиеся одновременно на обеих щеках, придали ее пышущему здоровьем и свежестью лицу такое очарование, перед которым вряд ли мог устоять даже самый самовлюбленный городской юноша. После этого прилюдного объяснения вопрос об интеллектуальном преимуществе городского населения над сельским, по крайней мере в стенах областного учебного заведения не возникал.

Положение со здоровьем жеребенка оставалось неизменным. Все усилия Федора хоть как-то улучшить состояние больного оставались без результата. Жеребенок продолжал лежать на соломенной подстилке почти без движения, с открытыми глазами и тяжело дыша.

– Не пойму я, что с нашим жеребчиком происходит? – спросила Груня. – Я вчера посмотрела, рана вроде бы заживает. Казалось бы, пора и выздоравливать. Да что-то никак... Интересно, чтобы ваш отец в таком случае делал?

– Я вот тоже прошлой ночью об этом думал. И кое-что вспомнил. Когда я на последнем курсе в техникуме учился, поинтересовался как-то у отца, почему так бывает, что если раны вроде бы заживают, а общее оздоровление все равно не наступает? Он тогда сказал: «Видишь ли, если на теле хоть одна рана гнилая, то уже плохо».

– Это значит, внутри у него какая-то инфекция?

– Наверное. Волк ведь в голодное время все подряд хватает и падалью не брезгует. Любую заразу мог занести нашему больному в кровь. Понять бы, как с этой инфекцией справиться. – Немного помолчав, Федор продолжил: – Вообще-то отец часто повторял: «Образование дается для того, чтобы знать, в какой книге искать ответ».

– Так может быть, в бумагах отца покопаться? Там много чего найдешь.

Перед глазами Федора вдруг появилось лицо матери, и ему показалось, что он слышит ее голос.

– Тебе что, плохо, Федор?

Груня впервые обратилась к нему на «ты» и это несказанно обрадовало Федора. Такой переход был еще одним шагом к их сближению, которого он уже сейчас четко желал.

– Груня, мне нужно отойти ненадолго, но я быстро вернусь.

Федор никогда не поднимался на чердак ночью и поэтому очень удивился, что все знакомые ему с детства предметы в тусклом свете лампы выглядели совсем иначе, нежели при свете дневном. Тем не менее, он быстро нашел нужные ему толстые книги в дивных кожаных переплетах с латинскими буквами, тисненными золотом. Федор быстро сбежал по лестнице вниз.

Груня сидела на лавке, плотно прижавшись спиной к теплой печке.

– Согреться успела? – достаточно формально поинтересовался Федор, выкладывая на стол принесенные с чердака книги.

– Я даже успела поинтересоваться состоянием нашего больного.

– Ну и как?

Она на секунду задумалась и затем мрачно ответила:

– Без изменений. Мне кажется, надо что-то предпринимать, с кем-то консультироваться, иначе...

Федор не хотел слышать, что может быть иначе, и поэтому прервал ее.

– Вот я и хочу проконсультироваться с немецкими ветеринарами.

Он хлопнул по кожаному переплету рукой, отчего остатки пыли поднялись с поверхности в воздух. Он сел за стол и осторожно открыл книгу. На титульном листе красовалось посвящение, написанное готическим шрифтом, который напоминал ему скорее запись приборов, фиксирующих колебания земли, нежели текст.

Дальше было легче. Текст книги был напечатан обычным латинским шрифтом. Многочисленные иллюстрации, в том числе и цветные, помогали понять то, что было не совсем понятно в тексте. Поначалу Федор в написанное не углублялся, а листая страницы, обращал внимание лишь на заголовки, по которым надеялся быстро отыскать раздел, в котором описывался хотя бы примерный случай заболевания крупного домашнего животного, походивший на болезнь, угрожающую теперь жизни столь дорогого ему существа. Иногда он задерживался на некоторых страницах, обращая особое внимание на раздел, где перечислялись травы и лекарства, рекомендуемые для лечения. О некоторых из них знал от отца, другие были ему знакомы уже из его собственной практики.

Пока он листал книги, Груня занималась хозяйством.

Но все усилия Федора не приносили результата. Он не нашел ни одной рекомендации по лечению серьезных травм, нанесенных хищниками или полученных при каких-либо других обстоятельствах.

Бесплодный труд не только быстро утомляет, но и угнетает. Копаясь беспомощно в немецких книгах под взглядом севшей напротив Груни, Федор вдруг почувствовал себя беспомощным и хотел уже прекратить бессмысленное перелистывание страниц.

К счастью, судьба удержала его от этого ложного порыва. Как раз в этот момент рука его машинально перевернула страницу, после чего перед глазами появился заголовок к очередной главе «Лошади на войне и на охоте». Глава начиналась с антигуманного высказывания какого-то знаменитого немецкого военного или философа, которое вполне могло бы послужить эпиграфом ко всему разделу относительно самого благородного домашнего животного. Все слова были знакомы Федору, а грамматика настолько проста, что он тут же смог легко перевести ее на русский, не заглядывая в словарь. «Больных и раненых лошадей не лечат, а пристреливают».

Дальше, видимо, следовала дискуссия автора книги с автором странного афоризма. Но для понимания ее Федору не хватило языковых знаний, зато в конце главы его подстерегала приятная неожиданность в виде цветной картинке из жизни диких животных в африканской саванне. Тигрица, нагнав зебру, впиалась ей в ляжку. От боли у полосатой лошади выкатились из орбит глаза, в которых отразился не только страх перед наступающей смертью, но и безволие в борьбе за жизнь. Дальше следовала трогательная история о том, как немецкие миссионеры, охотившиеся в саванне, отбили зебру у тигрицы, привезли израненное животное к себе на ранчо и после упорного лечения выпустили здоровое животное обратно в саванну. После лирической части следовало для Федора самое важное – каким методом и какими лекарствами и травами удалось миссионерам вылечить животное. Однако если небольшая часть лекарств и трав с латинскими корнями поддавалась распознаванию хотя бы с помощью словаря, то для понимания описанных процедур у него опять не хватало знаний в немецком языке.

Груня, молча и внимательно наблюдавшая за стараниями Федора, пригревшись у теплой стенки печки, сначала задремала, а затем, соскользнув на лавку, и вовсе уснула. Он накрыл ее осторожно полусубком, а сам уселся за стол, перевернул страницу и стал разбираться, как же зебра умудрилась все-таки выжить. Однако очень скоро лекарства, травы и рекомендации

на чужом языке поплыли перед глазами, скрутились в тугий клубок, который стал плавно удаляться. И, наконец, исчез. Голова Федора рухнула на книгу и улеглась уютно как раз на том месте, где миссионеры хвалились своими успехами.

Современная наука разработала ряд методик, дающих возможность спящему человеку усваивать информацию, поступающую от бодрствующего мира. Сегодня человек способен во сне изучать иностранный язык, получая знания от работающего магнитофона. Однако в те далекие времена ни подобной методики, ни магнитофонной техники не было. Проспав полночи на странице, содержащей необходимую информацию, Федор дополнительных знаний не приобрел. И поэтому, едва проснувшись, твердо решил следовать совету матери: сложил вместе оба толстых немецких тома, завернул в полотенце, завязал старательно толстой веревкой. Затем умылся, надел чистую рубаху и все остальное, что относилось к парадному гардеробу – брюки-галифе и добротные начищенные кожаные сапоги.

Как раз в этот момент дверь распахнулась, и вошла запыхавшаяся Груня, которая в отличие от Федора бодрствовала уже давно.

– Куда же вы, Федор Федорович, собрались идти на пустой желудок? Это вредно. С утра надо плотно поесть, чтобы на весь день хватило.

Она водрузила на стол большое блюдо, на котором красовалось нечто вроде омлета из взбитых с молоком яиц и с запекшейся сверху аппетитной корочкой. Рядом возникла крынка с топленым молоком, широкое горло которой было затянуто толстой, пожелтевшей от жара пенкой.

– Я, Груня, решил в район поехать. Вот хочу как следует в этих немецких рецептах разобраться, – он кивнул в сторону сложенных книг. – Там, на самой окраине, друг моего отца Отто Карлович Метц с женой живут. И мать, и отец мне всегда говорили: «Чуть что, иди за советом к Отто. Он обязательно поможет». Не могу я разобраться, что же в книгах написано. Не хватает знаний по немецкому языку. И в школе учил, и в техникуме учил, дома отец со мной разговаривал, а все равно – пока не достаточно.

– Очень верно делаете, Федор Федорович. Отто Карлович с женой у нас в училище преподают, очень добрые люди и дело свое знают. Раньше у нас на уроках немецкого все или спали, или хулиганили. А они так интересно про Германию рассказывают, что мы все, открыв рты, слушаем. Так что обязательно езжайте к ним, они люди добрые. И мудростью поделаются, и с языком помогут.

– Вот и я так думаю.

– Прямо сейчас езжайте, – повторила Груня, – но только в дорогу надо как следует поесть и тепло одеться, а то на дворе мороз и вьюжить начинается. И не волнуйтесь, я за жеребчиком присмотрю.

Груня села за стол напротив Федора и с большим любопытством наблюдала, как он ест.

– А ты что же не присоединяешься?

– Я пока готовила, напробовалась, так что вы ешьте спокойно. Я ведь здесь остаюсь. Проголодаюсь – приготовлю себе, а вам длинная и тяжелая дорога предстоит, так что запасайтесь энергией. И возвращайтесь поскорее.

Федор взял в руки книги, завернутые в полотенце и перевязанные веревкой, подсунил туда немецкий нож, с которым он не расставался, и подошел к жеребенку. Груня за ним не последовала.

Жеребенок лежал все в той же позе. Когда Федор попал в поле его зрения, он поначалу попытался поднять голову, но, почувствовав, что это не в его силах, лишь от беспомощности выкатил глаза, полные отчаяния и благодарности. Федор присел и потрепал, как всегда, его по шее.

– Потерпи, дорогой мой, еще немножко. Я вот в город съезжу к немцу. Мы с ним книги почитаем, лекарство нужное подберем. Немцы в делах медицины – мастера. Это мне еще отец рассказывал, а он их хорошо знал. Так что я в них верю, а ты мне доверять должен. Вот мы все вместе тебя и вылечим.

Больной слушал молча, не возражал. Федор осторожно потрепал жеребенка по шее и, не оглядываясь, пошел в конюшню, где лениво жевала сено колхозная кобыла, приписанная к ветеринару. Еще в бытность отца правление колхоза целиком проголосовало за то, чтобы закрепить лошадь за ветеринаром. Против выступил лишь один дед Архип. Человек он был не столько работающий, сколько пьющий. Аргументация его сводилась к тому, что он не может смотреть, как богатые опять ездят на лошадях, а он, бедный, должен ходить пешком. Мудрый председатель колхоза Альтман, сам член партии, легко опроверг довод несогласного товарища.

– Если ты, Архип, хоть одну больную лошадь на ноги поставишь и при этом сам на ногах устоишь, то колхозники тут же проголосуют за то, чтобы закрепить лошадь за тобой.

Архип впал в размышления, а собравшиеся бурно прореагировали на шутку председателя.

– Да Архип – специалист самогон пить, а не скот лечить, – раздались ехидные голоса, после чего вопрос был решен окончательно. И к Федору-младшему право пользоваться колхозной лошадью перешло по наследству.

Отношение домашних животных к ветеринарам всегда уважительное. Завидев Федора, лошадь перестала жевать, он накинул на нее седло, затянул потуже ремнем и вывел на улицу.

Глотнув первые порции холодного воздуха, лошадь в знак удивления расширила ноздри и безо всякого на то понукания весело побежала по засыпанной скрипучим снегом дороге. Не поднимавшееся высоко над горизонтом зимнее солнце по всем законам природы ярко светило и вовсе не собиралось согревать землю. Его лучи не падали как летом по вертикали сверху вниз, а лукаво стелились по отраженной от неба голубизне снежных сугробов. В лесу лошадь бежала резво, дорогу от снежных заносов защищали деревья.

Как только выехали из леса, лошадь начала тонуть в снегу, и движение резко замедлилось. Федор заметил, что пока ехали лесом и лошадь резво бежала, мысли старались придерживаться того же темпа. Как только лошадь снижала темп, замедлялся и ход рассуждений, порой они налезали одно на другое, образуя какие-то завалы наподобие сугробов, вытянувшихся острыми языками поперек дороги и затруднявших движение путников.

Что касается мыслей, то Федор был полон надежд на то, что результатом встречи с Отто Карловичем станет выздоровление жеребенка, которого он воспринимал теперь, как посланца откуда-то свыше. Ему ясно рисовалась картина, как они вместе с Отто Карловичем раскрывают немецкую книгу, и, конечно же, сразу находят нужные рекомендации. Отец называл Германию аптекой мира, а врачей и ветеринаров – в еликими исцелителями. Именно из этих назиданий отца из года в год формировалась у Федора вера в особый немецкий интеллект, способный решить все проблемы человечества, тем более ветеринарно-медицинские.

А еще он понял, что очень скучает по Груне. Проехав полдороги до города, Федор почувствовал, что удаляется от чего-то доброго, теплого. С ней его уже связывали какие-то невидимые нити, тянувшие обратно домой. Ему не хватало ее голоса. Всплывали и ее милые черты: улыбающееся лицо с ямочками на щеках, аккуратный носик, посаженный там, где ему и следовало быть, с обеих сторон два больших глаза, скошенные немного к вискам.

Особенно Федора волновали миниатюрные ушные раковинки, за которые Груня постоянно пыталась спрятать густые пряди волос. А они словно две составные части театрального занавеса стремились сомкнуться, чтобы скрыть от посторонних необыкновенно красивого цвета глаза с изумрудным оттенком, погружаясь в которые он видел себя лежащим на зеленой некошеной траве.

Красотой Груня была обязана своей бабке – чистокровной польке, переселившейся в раннем детстве вместе с семьей на Украину, где она впоследствии вышла замуж за казачьего атамана.

Позже из-за каких-то неурядиц, возникших между казаками, они бежали с Дона и колесили по стране, пока не обосновались на месте. У них были кое-какие средства, на которые они построили дом, воспитали и дали образование дочери, которая подросла и стала уважаемой местной учительницей. Выйдя замуж, она произвела на свет дочь, о чем никогда не пожалела.

Груня росла внимательной и старательной девушкой. Отца она помнила хорошо. Он вернулся с империалистической войны без единой царапины, но был убит хулиганами в городе, когда среди бела дня вступился за женщину. Времена были суровые, банду вскоре поймали, судили и расстреляли, а неожиданно овдовевшая учительница вместе с дочерью удалилась в родительский дом, где Груня и выросла в соблазнительную для всех парней сельскую красавицу.

Сочетание красоты и ума в женщине редко и обычно излишне. Мужчины – существа, как известно, незамысловатые, и подобно пчелам, реагируют в первую очередь на яркость красок цветка, а уже потом на все остальное. Познав это, Груня крайне сдержанно относилась к ранним ухаживаниям многочисленных поклонников. Федор знал об этом и поэтому не давал воли охватывавшим его эмоциям. В отношениях с ней он чувствовал себя каким-то громадным слоном, который любым неуклюжим движением мог разбить полюбившийся ему хрупкий, необыкновенно изящный сосуд тонкого, почти прозрачного фарфора.

Ровный поток приятных размышлений был неожиданно нарушен заячьей парой, которая, вывернувшись из-под придорожной елки, вдруг бросилась бежать прямо перед лошадью, которая, сначала испугавшись, шарахнулась в сторону, но затем, спохватившись и осознав свое физическое превосходство, бросилась догонять любимых героев детских сказок. Первой неравенство весовых категорий осознала зайчиха. Она тут же свернула с дороги, легко преодолела придорожный кювет и помчалась по заснеженному лесу. Зайцу, который превосходил свою спутницу минимум на размер и уступал ей вдвое по интеллекту, понадобилось еще время для осознания бессмысленности соревнования с лошадью. Поэтому, пробежав дополнительно пятьдесят метров по дороге, он также легко преодолел канаву и помчался вдогонку за своей спутницей.

Встреча с зайцами отвлекла Федора от серьезных размышлений по поводу тяжелообольного жеребенка и сложностей поддержания отношений с противоположным полом. Кроме того, нахлынувшие на него думы заняли достаточно много времени, отчего дорога сократилась как минимум наполовину.

Скоро лес закончился, покрытые инеем деревья отвесили ему последний поклон, и он выехал на простор.

Перед его глазами предстала чарующая картина пригородной части районного центра, находящегося тоже на берегу реки. Поблескивая стеклянными окнами словно приклеенные к старательно выстиранной белой простыне, беспорядочно разместились разновеликие домики. Но было между ними и кое-что общее. Из каждой трубы вверх строго перпендикулярно земле и параллельно друг другу поднимались удивительно прямые белые столбики дыма. Издалека создавалось реальное впечатление, что разместившиеся на склоне берега избы были кем-то подвязаны белыми дымовыми нитями к небу, дабы под действием какой-либо стихии человеческие жилища не соскользнули в реку. Издалека трудно было разглядеть улицы, соединяющие людей и разделяющие дома, в которых они жили. Федор знал их хорошо с детства, когда вместе с отцом регулярно навещался к Отто Карловичу. Он задумался, и перед глазами буквально всплыли картины прошлого.

Ходить в гости – это вовсе не русская традиция, а общечеловеческая. Другое дело, поведение в гостях. Тут у русских есть своя специфика, которая за многовековую эволюцию народа превратилась в его традиции или обычаи. Отец Федора – Федор-старший слыл в округе абсолютным трезвенником. Отто Карлович был чистокровным немцем, а следовательно, пьющим редко, лишь по вескому случаю и умеренно. Но когда они встречались, то пробуждался инстинкт состязательности. Кто кого больше стимулировал к этому порочному занятию, сказать трудно, но каждая встреча обязательно обильно орошалась алкоголем.

Присутствовавшие при этом жены не возражали против такой формы общения, а скорее, наоборот, поощряли, собственноручно наполняя едва опустевшие рюмки своих мужей. Им нравилось наблюдать за пьяными трезвенниками, которые вдруг выходили из образа слишком рациональных мужей и становились болтливыми, веселыми, обаятельными мужчинами. По русским меркам они пили безобразно мало, но этого вполне хватало, поскольку пьянели они по меркам Запада, где пьянеют не от крепости напитка, а от объема жидкости, содержащей алкоголь.

Дети доставляют удовольствие родителям не только тем, что они есть, но иногда тем, что они могут. Бывали случаи, когда после активного общения с Отто Карловичем Федор-старший, отправляясь в обратный путь домой, передавал управление лошастью, то есть вожжи, сыну, так как, исходя из состояния, не чувствовал себя достаточно уверенным в том, что найдет должное взаимопонимание с лошастью. Такой поворот событий Федор-младший не мог расценивать иначе как счастливое послание судьбы. Управлять самостоятельно лошастью да еще в присутствии отца, пусть даже немного захмелевшего, было голубой мечтой любого юноши его возраста.

Для Федора-младшего это имело особое значение еще и потому, что с детства, еще не испытав любви к людям, он испытал необыкновенно сильную привязанность к лошадям. Они представлялись ему во сне, наяву, в мечтах и грезах. Он рисовал их везде – на песке, на снегу, выцарапывал на ледяной поверхности реки. А когда пришло время, то стал рисовать и на бумаге. Самым большим впечатлением детства было для него, когда отец сажал сына на самую смирную лошадь. Он крепко цеплялся рукой за пояс его штанов, и они втроем, не спеша, совершали прогулку по зеленому лугу. Со временем подстраховка отца, да и вообще его присутствие стали излишним. Подведя лошадь к амбарной лестнице, Федор вскарабкался на нее, и потом они вдвоем мчались по пыльной дороге.

С возрастом набор удовольствий расширился. Скоро самым любимым занятием стало гонять лошадей в ночное. Это понятие состояло из целой цепи приключений и чуть ли не преступлений. С приближением ночи русские «ковбои» на отработавших день лошадях выезжали на заранее облюбованный луг с сочной травой. Там наездники спешивались, спутывали передние ноги лошадям веревкой, чтобы они, наполняя желудки травой, слишком не увлекались и не удалялись далеко от облюбованного места. Где-то на опушке леса или в небольшой ложбине разводился костер. Формально он должен был отпугивать волков, бродивших по лесу. Фактически же костер являлся главным экзотическим элементом во всей ночной затее, ради которого молодые добровольцы-пастухи отказывались от теплых постелей и домашнего уюта.

Костер защищал сидящих вокруг от озноба в связи с проникновением под рубаху ночной прохлады. Он давал возможность испечь в образующейся горячей золе принесенную из дома, а чаще всего наворованную с чужих огородов картошку. Если добавить к горячей, запеченной картошке еще и не очень честным путем приобретенные свежие колючие огурцы, то можно точно сказать, что ночная трапеза была для юношей наивысшей точкой ночной эпопеи.

Федор-старший, прошедший все этапы эволюции деревенского парня и хорошо знавший всю цепочку увлечений, которую проходят все местные подростки, становясь мужчинами, против увлечения сына лошадьми и хождений его в ночное возражений не имел.

Другое дело – мать. Она не то, чтобы возражала, но боялась за единственного и очень любимого ребенка в семье. И ночь, которую Федор проводил весело со своими сверстниками у костра, стоила ей больших волнений. С возрастом хождения в ночное прекратились сами по себе. Однако страсть к лошадям не исчезла, а, может быть, напротив, стала сильнее.

Воспоминания укорачивают дорогу, а, кроме того, несомненно, существуют невидимые нити, по которым человеческие желания передаются животным. Пребывая в воспоминаниях, Федор предельно ослабил уздечку и не управлял лошастью. А потому искренне удивился, когда она остановилась точно перед домом Отто Карловича. Размышлять о причудах природы было некогда. Он легко спрыгнул с лошади и подошел к калитке.

Дом Отто Карловича вроде бы как у всех, но, тем не менее, отличался от своих собратьев. Забор, например, главная достопримечательность России, отличался от своих собратьев-соседей своей низкорослостью, прозрачностью и вообще напоминал скорее кладбищенскую ограду, поставленную не для защиты от нашествия посторонних, а лишь для того, чтобы обозначить границу между живыми и усопшими.

Были и другие признаки, отличавшие этот дом от соседних. Он был единственным, на крыше которого был установлен флюгер в виде металлического флага. Он показывал живущим в доме, а также проходящим мимо, откуда дует ветер, хотя они и сами об этом догадывались.

И в тоже время окна обрамляли резные наличники самого причудливого узора, что было характерно почти для всех домов в округе. Чем богаче выглядели наличники на окнах, тем зажиточнее был хозяин.

Сочетание своего и привнесенного чужого еще больше бросалось в глаза Федору, когда встретившая с неподдельной радостью хозяйка провела его в комнаты. В прихожей на стене висела небольшая проморенная доска, на которой был нанесен текст житейской мудрости на старонемецком диалекте, на которую прежде Федор то ли по глупости, то ли по молодости, а скорее всего по сумме этих прекрасных качеств, не обращал внимания.

Сейчас он не только внимательно прочел, но к своему удивлению и понял смысл текста, набранного свинцовыми буквами: «Каждый сам кузнец своего счастья». Для наглядности мудрость была проиллюстрирована. Сверху над текстом красовалась выдавленная из металла жанровая картинка, на которой изящный конь кокетливо задрал переднее левое копыто, куда припавший на правое колено мастеровой прибивал подкову.

Отштампованный на тонком железе конь тут же вернул Федора к тяжелым воспоминаниям о больном жеребенке. Захотелось немедленно вернуться домой, но он тут же вспомнил, что приехал сюда как раз для того, чтобы спасти своего любимца.

– Как хорошо, что ты приехал. Мы как раз собирались обедать. Сейчас Отто придет, он будет необыкновенно рад.

Жена Отто Карловича Лидия была женщиной скрытого обаяния, которое в первую очередь выражалось в спокойном и тихом характере. И говорила она словно вполголоса, как будто опасалась разбудить кого-то постоянно спящего. А кроме того, у нее был такой разрез глаз, что создавалось впечатление, будто она постоянно и еле заметно над чем-то усмехается. Худобой она не страдала, но и полной назвать ее было бы трудно. От всей ее фигуры веяло каким-то особым теплом, добром и необыкновенной преданностью делу, идее или человеку, которому она однажды поверила.

Говорили, что предки ее были немцами-переселенцами из Германии еще екатерининских времен. Видимо, это сыграло решающую роль, когда родители определили ее на учебу в Московский институт иностранных языков. Не последнюю роль в выборе профессии сыграл и тот факт, что в Москве проживала ее тетка, сестра матери – женщина одинокая, которая с удовольствием приютила у себя студентку на все годы учебы.

По окончании института Лидия по распределению приехала в родной город преподавать немецкий язык в местном училище. Через несколько лет ее, можно сказать, случайно, направили работать в качестве переводчицы на немецкую фирму «Сименс», которая с давних времен занималась обеспечением телефонно-телеграфной связи на железной дороге Москва-Петроград. Именно тогда в эту улыбчивую, невероятно спокойную девушку ухитрился влюбиться сотрудник фирмы «Сименс» Отто Карлович Метц, да так, что тут же потерял голову и женился на ней. Родители Лидии не были против этого брака и выбор любимой дочери приняли как неизбежное.

Посчитав свой житейский долг выполненным, они ни о чем не расспрашивали и тихо, один за другим, ушли из жизни с интервалом в три месяца, оставив дочери добротный сработанный двухэтажный дом и все, что нажили за свою жизнь. Молодые сочли, что будет правильным решением переехать в дом родителей Лидии. Было бы несправедливо считать, что их смерть связана с нежеланным замужеством дочери. Просто они поспешили освободить житейское пространство для любимого чада.

Лидия в свою очередь никогда не забывала своих родителей, заботливо ухаживала за их могилами и никогда не сожалела о том, что вышла замуж за иностранца. Немцы были тогда у российских людей в большом почете. Начиная от школы и заканчивая высшим учебным заведением везде насаждался немецкий язык, правда, с разным результатом. Все немецкое считалось лучшим. Отто Карловича сразу же пригласили преподавать немецкий язык в училище, а чуть позже, когда он освоился с русским, и математику. Жизнь у них текла ровно и тихо.

Никто из соседей или проходящих мимо не слышал, чтобы кто-нибудь из них хоть раз повысил голос. О людях они никогда не говорили дурно. В гости они почти не ездили, у себя принимали только Федора-старшего с женой. И тогда из окон иногда доносилась немецкая речь вперемешку с русской.

Жили они в своем доме на окраине города почти безвыездно. Детей у них не было, но даже и эта большая семейная травма не могла нарушить установившегося равновесия между ними.

Но вот однажды Лидии пришлось превозмочь себя и поехать с мужем в Германию на похороны его отца, к которому Отто испытывал величайшее почтение.

Отец Отто Карловича начал свою карьеру, работая еще мальчишкой электриком в мастерских гениального немецкого изобретателя Вернера фон Сименс, основателя всемирно известного концерна по производству и усовершенствованию электро телеграфной техники. Отто буквально пошел по стопам отца и, вопреки существовавшей практике, препятствовавшей распространению семейственности, работал инженером на одном из предприятий концерна и был командирован после революции в России для руководства работами по оснащению железнодорожной линии Москва-Петроград, где и состоялось его знакомство с русской переводчицей немецкого языка. Смерть отца и предстоящие похороны лишили Лидию любых аргументов против того, чтобы не ехать в Германию.

– Лида, дорогая, – сказал Отто, – в Германии к смерти близкого относятся менее трагично, нежели в России. Но к ритуалу похорон – много серьезнее, чем у вас. Как бы родственники ни относились друг к другу, на похоронах близкого человека они должны обязательно быть вместе.

Из Москвы до Берлина ехали более двух суток. На вокзале Анхальтбанхоф в Берлине их встречали мать, брат и сестра Отто. У всех были черные повязки на руках. К удивлению Отто Лидия за несколько часов до прибытия поезда в Берлин переоделась и сошла на перрон, одетая во все черное, что, как заметил наблюдательный Отто, вызвало у встречавшей их матери не только удивление, но и удовлетворение.

А на другой день, когда Лида явилась в церковь на прощальную службу и на кладбище, добавив к черной одежде еще и черную шляпу, это обстоятельство почти примирило строптивую мамашу с появлением на их достаточно витиеватом родословном древе русского отростка. Вечером после поминального ужина один из многочисленных племянников, добродушный лоботряс по имени Ганс с лицом, усыпанным ярко-рыжими веснушками, и красным, облупленным от солнца носом, конфиденциально сообщил расположившей чем-то его к себе Лиде:

– Бабушка говорила нам, что ты появишься на похоронах в красной косынке на голове, в синей рубахе и обязательно в резиновых сапогах. Как все русские женщины на открытках, которые присылал нам Отто из России. Честно говоря, я эти открытки рассматривал. Они у бабушки в шкатулке лежат, и должен сказать, что ваши пионеры на наш гитлерюгенд очень похожи – маршируют в колоннах, вечером у костров сидят, днем в горные походы отправляются, потом в море купаются. В общем, у нас, как у вас. Главное, чтобы все вместе. Спортom занимаются, чтобы здоровыми быть.

Дабы не разрушать стереотип, созданный бабушкой, и не подрывать ее авторитет, Лидия призналась, что до границы ехала действительно в красной косынке на голове, но затем, чтобы угодить бабушке, переделась в поезде.

– И правильно сделала! – воскликнул Ганс. – Иначе она тут такое бы устроила, что и тебе, и Отто здорово досталось.

На другой день весь клан, включая и Отто, выехал в Мюнхен навестить брата умершего. Из-за тяжелой болезни тот уже долгие годы оставался без движения. В поездке к брату, должны были принять участие все родственники. Лидия робко попросила сделать для нее исключение и оставить ее на эти два дня дома. К ее удивлению, такое разрешение было получено, и почти без промедления.

Не удивились лишь родственники. Самое большое увлечение немцев, переходящее в страсть, это экономить. Мысль о том, что проезд Лидии до Мюнхена и обратно на поезде, а также двухдневное пребывание в городе могут быть исключены из расходной части путешествия, легко решило ее судьбу. Лидия становилась на два дня хозяйкой солидной виллы в центре Германии. Отто ничего не оставалось, как радоваться тому, что расчеты матери и желание невестки, то есть его жены, совпали.

На время отъезда хозяев обслуживающему персоналу были предоставлены два выходных дня. Всем, кроме садовника. Не очень словоохотливый пожилой человек, он как правило не выходил за ограду дома. Днем подстригал кусты, а с наступлением темноты удалялся в свой небольшой домик, забившийся в углу сада в кустах, в оконцах которого всю ночь горел свет.

Рано утром, едва забрезжил рассвет, хозяйева, отгремев ложками и чашками в гостиной, спешно выехали на вокзал.

Лидия обожала своего мужа, в том числе и за то, что он нигде и никогда не менял своих привычек. Отправляясь к больному дядюшке он, как всегда, поцеловал Лидию и пожелал ей добрых два дня отдыха.

Выспавшись на новом месте на пуховой немецкой перине, Лидия встала, когда в окно уже светило солнце, оделась и стала размышлять, чем бы заняться в свой первый свободный день.

В это время раздался стук в дверь. На пороге возник садовник с большим подносом, на котором разместились высокий серебряный кофейник, вокруг которого суетливо расположились мелкие чины из нежного тонкого фарфора: молочница, конфитюрница, изящные подставки для яиц, тарелка с несколькими кусочками подогретого хлеба, накрытая салфетками с причудливыми узорами и полный набор серебряных ложек, вилок и ножей. Вблизи садовник выглядел старше, чем издалика.

Лидия почувствовала себя неловко и поспешила освободить его от несвойственного его профессии занятию. Тот, в свою очередь, воспринял это совсем иначе: русская гостья, наголо-

давшись еще у себя дома, едва дотянула до его прихода и, уже не владея с собой от голода, выхватила у него поднос с принесенной едой.

Чтобы не смущать гостью, садовник тут же удалился к себе и там, из-за кустов, продолжил наблюдение за пришельцей из другого мира.

Позавтракав, Лидия спустилась вниз, зашла на кухню, вымыла посуду, вытерла ее насухо и расставила по ранжиру на место, а затем осмотрела изнутри весь дом. Как и следовало ожидать, все было развешено, расставлено и разложено по местам. Однако от опытного глаза хозяйки не скрылись некоторые детали. Внизу, под мойкой, швы между кафельными плитками потемнели от каких-то посторонних налетов. То же самое обнаружилось и в ванной комнате. При внимательном осмотре других комнат были обнаружены частицы песка, земли, привнесенные извне и лежавшие по углам.

У Лидии была знакомая парикмахерша, знаменитая на весь город не только тем, что она искусно стригла и укладывала волосы, но и выполняла частенько функции косметолога и даже врача-дерматолога. Встретив на улице кого-то из знакомых, а иногда и незнакомых людей, у кого на лице красовались прыщи, она тут же приглашала этого человека к себе, чтобы помочь ему избавиться от напасти.

От увиденного на вилле своих немецких родственников Лидия испытала нечто подобное тому, что испытывала ее подруга-парикмахерша при виде неухоженных лиц. Поменяв парадный наряд на рабочий и собрав все имевшиеся в наличии тряпки в ведро с водой, она, не подумав о том, как будут ее старания оценены хозяйкой, приступила к работе.

Обед, который приготовил для нее садовник, остался нетронутым. Зато к концу дня все общедоступные помещения на вилле вдохнули свежий воздух, поступавший в течение всего дня через широко распахнутые окна. И даже старая немецкая резная мебель, поблекшая было от времени, засветилась своими прежними цветами. Нетронутыми оставались только личные покои обитателей виллы и, конечно же, самой хозяйки.

Поздно вечером Лидия вышла в сад и тут же натолкнулась на его стража, внимательно и не без удивления наблюдавшего из кустов за всем, что происходило в доме. Для установления лучшего взаимопонимания Лидия тут же пригласила его на совместный ужин, который накрыла прямо на кухне. А на столе появился единственно достойный сувенир из России.

Лидия водку не любила и пила ее лишь по случаям торжественным или печальным, причем к восторгу Отто, количество выпитого ею зелья никаким образом не влияло на ее поведение. Захмелев слегка от первых глотков, она оставалась в трезвом уме и здравом поведении, независимо от количества выпитого позже, чего нельзя было сказать про Отто и нового знакомого садовника.

При близком общении садовник оказался значительно словоохотливее, чем показался вначале. Перед первой рюмкой он слегка привстал и пожелал представиться:

– Густав, – спокойно произнес он свое имя, понизив для солидности голос ровно на октаву.

– Лидия, – представилась она так, как ее величали немцы, которым было легче произносить ее имя со смягченным окончанием, и которое в таком виде звучало более женственно.

Женщины склонны преувеличивать свой успех у мужчин, мужчины – свои достижения в карьере. После четвертой рюмки выяснилось, что новый знакомый Лидии вовсе не садовник, а своего рода мажордом, в беспрекословном подчинении которого находится весь обслуживающий персонал, руководить которым совсем не так просто, как может показаться со стороны. После шестой рюмки Густав достаточно подробно изложил часть своей биографии, а с нею и новейшую историю Германии, начиная от окончания Первой мировой войны и до настоящего времени.

Войну он закончил, получив звание фельдфебеля, контузию и два гранатных осколка в спину. Большой по размеру был удален в полевом госпитале, меньший забился где-то под

лопаткой и был оставлен в качестве барометра, почти безошибочно предсказывавшего грядущие изменения погоды.

Вернувшись в разоренную Германию, Густав долго не мог найти работу. Есть в стране было нечего. Самым большим деликатесом, который подавали в некоторых пивных, была кружка пива и небольшой кусок хлеба, намазанный смальцем – перетопленным жиром. Все блага, создаваемые в Германии, уходили в качестве репараций французам, которых Густав до сегодняшнего дня люто ненавидел. Нация деградировала, ели котлеты из человечины. Густава буквально тошнило при воспоминании о том времени. Многие немцы побежали в Америку. Один доллар стоил несколько миллионов марок.

До каких низов докатился бы он, Густав, и вся Германия, если бы в 1933 году не пришел к власти настоящий вождь нации – Адольф Гитлер? С ним установился в стране порядок, он построил дороги, уничтожил безработицу, накормил народ. В то время повезло не только Германии, но лично Густаву. Его фронтовой друг, четырежды раненый и отравленный газами, буквально накануне собственной смерти успел рекомендовать Густава на место садовника на солидную виллу крупного немецкого предпринимателя, младшего сына основателя фирмы «Сименс» Карла Фридриха фон Сименса.

– С самым хозяином я общался нечасто, только в дни праздников или каких-либо семейных событий. Бывали случаи, когда, устав от людей, он спускался в сад и заговаривал со мной. Больше всего его интересовало, как ведут себя люди на войне. Однажды он спросил меня: «Что чувствует и что предпринимает человек, знающий о том, что в него целятся из какого-то оружия?». Помню, я ответил: «То же самое, что и заяц, когда на него охотятся: старается укрыться понадежнее, убежать, а мог бы – зарылся бы в землю». Мой ответ так понравился, что он записал его тут же в блокнот.

– А что он был за человек? – поинтересовалась Лидия.

Густав задумался.

– Да так, я бы сказал, невзрачный на внешность. Худощавый, в очечках и усики под носом.

В какой-то момент Лидии показалось, что Густав говорит о своем бывшем хозяине без должного пиетета. А он тем временем продолжал:

– Он был как и все «фоны», то есть люди голубой крови, которая течет туда, где меньше риска и больше денег. Во время Веймарской республики избирался депутатом рейхстага от социал-демократов. Когда власть поменялась, возглавлял всякие промышленные комитеты в рамках этой, как ее, индустриальной палаты. В общем, никогда не бедствовал, всегда был патриотом. – Он сделал паузу. – Но не Германии, а своей фирмы. О войне знал понаслышке, по рассказам таких, как я. Это вам не Адольф, который сидел с нами в окопах и кормил вшей, был ранен и, пройдя госпиталь, вернулся обратно защищать свою родину. Поэтому народ и избрал его рейхканцлером. – Затем Густав наполнил водкой свой небольшой стеклянный сосудик, встал и, выговаривая четко каждое слово, громко произнес: – Уверен, через некоторое время Адольф Гитлер станет народным императором Германии.

Испугавшись взрыва эмоций, Лидия засуетилась.

– Да вы садитесь, господин Густав.

Седьмая двадцатиграммовка оказалась для него роковой. Остатками трезвого ума Густав вдруг понял, что ему не удастся так просто попасть задом на сидение стула. Но если все же ему удастся сесть, то встать он уже больше не сможет. Поэтому, извинившись перед дамой, он вышел из-за стола и, не согнувшись ни в одном позвонке, прямой, как мачтовая сосна, двинулся к выходу.

Лидия вымыла посуду, разложила все по местам и поднялась в свою комнату. Там она разделась, легла в постель. Прежде, чем заснуть, помножила семь стеклянных стопок на двадцать граммов водки. У нее получился, как говорили у нее на родине, «стакан с верхом», с

чего в России только начиналось застолье, а здесь вдруг неожиданно оборвалось. Она почему-то загрустила по дому. Ей показалось, что она целую вечность не была там. Эта мысль ее нежно убаюкала, и она заснула.

Утром, выйдя в сад, она не обнаружила Густава в обычном месте. Он или отсыпался, или по непонятным причинам скрывался от нее. Но жизнь, как всегда, внесла коррективы в ход событий.

Учитывая плачевное состояние здоровья дядюшки, врачи не разрешили ему длительного общения с приехавшими родственниками, поэтому все они уже самым ранним поездом следующего дня отправились обратно и прибыли в полдень домой. Возвращение домой стало событием радостным, особенно для молодежи.

Приезд хозяйки был омрачен докладом Густава о необычном поведении русской невестки, позволившей себе вмешиваться в хозяйственные дела дома. Охвативший гнев заставил было ее сделать разнос сыну, но тот по приезде, не замечая ничего, бросился на второй этаж к жене. Хозяйка же, руководствуясь доносом, приступила к осмотру помещения, причем, надо отдать должное, от ее опытного хозяйского глаза не укрылась ни одна, даже самая мелкая деталь. И тут произошло чудо.

Раздражение по поводу чудовищного поведения гостя плавно перешло в умиление, а гнев вылился на челядь, которая целый день толчется на кухне и не убирает, а объедает дом. В результате, когда молодые спустились вниз, то за обедом им пришлось услышать немало самых любезных слов. Хозяйка как будто «между прочим», сделала совершенно неожиданное для всех заявление:

– Знаешь, Отто, я вот смотрю на тебя и думаю о том, что, несмотря на свойственное тебе легкомыслие, ты порою можешь совершать разумные поступки.

Сидевшие за столом доподлинно знали, как сурово осуждала мать легкомысленную женитьбу сына на плебейке, да к тому же русской. От неожиданного поворота мыслей хозяйки все перестали жевать.

– Отто, ты прав. Чтобы быть счастливым, иногда следует жертвовать карьерой ради любви.

От услышанного некоторые сидящие за столом забыли поднести нижнюю челюсть к верхней. Осчастливленный признанием матери, Отто сразу ответил:

– Что там карьера! Английский король Георг IV из-за любви к леди Симпсон отказался от королевского престола. А карьера – это чепуха. Ее можно всегда заново выстроить.

Отто знал, что его мать была обделена любовью. Отец всю жизнь отдал этому монстру «Сименсу». И, несмотря на достаточное большое количество родившихся детей, он по-настоящему вспомнил о супруге, когда было уже поздно. Перед самой смертью он покаялся перед женой, что недостаточно уделял ей в жизни внимания. Однако предсмертное раскаяние отца, судя по всему, ни в коей мере не восстановило в ней душевного равновесия, разрушенного неразумно сложившейся жизнью. По возвращению из Мюнхена Отто был вторым человеком после матери, которого Густав поставил в известность о необычном поведении его жены. Тогда он весело отмахнулся от этой новости. Отто терпеть не мог выяснять отношения с кем-либо, а тем более с женой. Однако теперь после обеда и драматического изменения в отношении матери к Лидии, к их браку, и к нему лично, он отвел супругу в сторону и, руководствуясь лишь самым примитивным любопытством, поинтересовался:

– Прости меня, Лидуша, но я случайно узнал, что вместо того, чтобы отдыхать, ты устроила в доме во время нашего отсутствия генеральную уборку. Это же каких сил тебе стоило! За один день столько сделать? И притом в одиночку.

– Но кто же мог подумать, что твои немцы окажутся такими грязнулями!

Отто не сомневался, что немецкая нация считается самой чистоплотной в мире, но высказывания Лидии его несколько не обидели, а скорее наоборот. Он так долго и громко смеялся,

что привлёк внимание остальных, однако рассказывать им о причине своего хорошего настроения не стал.

Зато история с грязнулями-немцами на вилле его семьи стала любимым рассказом Отто Карловича во время застолий в России. Со временем она обросла многими деталями, которые сделали ее еще более несуразной.

Федор вошел в очень просторную, необыкновенно чистую, застеленную пестрыми самодельными дорожками комнату, которая согласно русским традициям могла одновременно быть гостиной, столовой, а также удовлетворять любые пожелания самого капризного хозяина. Отто спустился сверху тут же и в прекрасном настроении.

– Рад тебя видеть. Хорошо, что ты наконец-то появился. А тем более к обеду.

– Я, собственно, к вам по делу, Отто Карлович. – Федор выложил на стол две книги.

– Обед и есть самое главное дело, а все последующее – это, как у вас говорят, делички.

– Делишки, – поправила его вошедшая супруга и аккуратно переложила оба немецких тома со стола на буфет, стоящий в углу.

– Сегодня у нас айнтопф и швайnbrатен мит картофель, – объявил торжественно Отто.

Федор накопил уже достаточно знаний в немецком языке, чтобы понять, что ему предстоит съесть на обед.

– Извини, Федор, но все блюда, подаваемые к столу, должны быть приготовлены по немецкой кухонной книге, и названия должны быть произнесены по-немецки, иначе Отто не воспринимает их по вкусу. Кроме того, он деньги считает обязательно по-немецки. В остальном же, как ты знаешь, великолепно говорит и понимает по-русски.

– Совершенно верно, Лидочка, – весело подтвердил Отто, разливая водку в маленькие стопки. – У нас, Федор, смешанный брак, и мы строим жизнь с учетом обеих сторон по вашему принципу: русская по форме, немецкая по содержанию.

– Но я водку не пью, – запротестовал Федор.

– Так водку я себе наливаю, а ты долго ехал по холоду. Поэтому я себе – водки, чтобы выпить, а тебе это как лекарство будет. Возьмешь несколько грамм и никаких болезней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.